

Юрий Ильин

SALVATIO

Роман

I. Heimarmeneⁱ

27 апреля, 20:02. Виктор В.

Ровно в положенное время из центра донеслись отзвуки государственного гимна. Многократно отраженное от десятков стен, эхо барабанов слилось в неритмичное уханье, духовые и струнные — в сплошной гармоничный гул.

К нему вскоре примешались совсем другие звуки. Под единственным работающим фонарем прошли, гремя ботинками, трое патрульных. Они явно были в дурном настроении и искали, на ком бы его выместить.

Когда они удалились на приличное расстояние, от кирпичной стены отделилась высокая фигура и неторопливо двинулась к центру города.

Умение «становиться невидимым» Виктор оттачивал годами, и оно нередко его выручало даже в самых опасных ситуациях, будь то встречи с патрулями или окраинными гопниками. Для последних, впрочем, у него была припасена тяжелая трость.

В кармане завибрировал смартфон. Со скрытого номера пришло сообщение: «Не сегодня. Извините».

Виктор пожал плечами. Он не любил центр города. У людей можно оставить впечатление, будто ты — сгусток воздуха, а вот с «умными» камерами это не работает. Им достаточно увидеть отсутствие форменных нашивок, и тебя «подсветят»...

Воспоминание о том, что сегодня в «Ассамблее» поет Принцесса, подвернулось как бы само собой. Прекрасно, вечер пройдет не зря. Надо только заскочить за последним своим вечерним костюмом.

Издали снова послышалось громохание тяжелых ботинок. Зажав трость подмышкой, Виктор повернулся на каблуках и скользнул в темный проулок.

27 апреля, 20:31. Сесиль Б.

— ...силована и избита до полусмерти. Пять часов назад она пришла в сознание, первичный допрос...

— Офицер, говорите помедленнее. Вас очень трудно понять. — Снова этот голос... Плосковатый баритон, почти приятный на слух и всегда преисполненный равнодушной любезности.

Бержер поняла, что она злится. А допускать этого нельзя ни в коем случае.

Уже шесть лет прошло с тех пор, как Сесиль Бержер, капитана Комитета по поддержанию равновесия и стабильности, прикомандировали к корпорации Kordo Konduktria. За все это время она очень часто слышала этот голос, но ни разу не видела его обладателя.

— Ну? Я вас слушаю, говорите, — снова раздалось из-под потолка.

— Как я уже сказала, пять часов назад она пришла в сознание, — произнесла Бержер как можно отчетливее. — Ее показания подтвердили: акт насилия совершен патрулем Службы общего контроля. За последние две недели это уже третий случай на поднадзорной мне территории. Так продолжаться не может.

— Офицер, ну, вы же сами понимаете, что к чему, не правда ли? — ответил голос. Сквозь любезность проступило едва заметное раздражение. — Мы все знаем, что с теми, кто чист в помыслах и безупречен в делах, никогда ничего не случается. Их не бьют и не насилуют, их дома не сгорают, их родные и близкие не погибают во время уличных беспорядков, а они сами не бродят по закоулкам, не прячутся от патрулей, не водят сомнительных знакомств и не забивают себе голову всякой скверной. Вы согласны?

Бержер почувствовала приступ гнева — и моментально обратила его на саму себя. Так нельзя. Голос прав. Сомневаться недопустимо.

— Да, — почти с трудом ответила Бержер. — Однако... Однако факт остается фактом: на поднадзорной мне территории люди, поставленные защищать наше спокойствие, совершают преступления. Я считаю необходимым принять меры.

— Это все? — осведомился голос.

— Так точно.

— В таком случае спокойной ночи. Не засиживайтесь.

Несколько мгновений капитан Бержер простояла на месте, скрестив руки и глядя в окно.

В кабинете было темно и пусто. Из мебели — только неопределенного назначения шкаф, рабочий стол и придвинутое к нему кресло. Единственным сколько-нибудь существенным источником света служило огромное окно, из которого открывался вид на городскую панораму. Стены, окна и — нависающая над всем огромная башня, похожая на

человеческую фигуру, вскинувшую вверх руку с факелом. Шпиль башни венчала алая эмблема Нортэмперии, странный символ, напоминавший не то два вертикально скрещенных камертона, не то огромный глаз с расходящимися в стороны острыми шипами.

На горизонте переливалось оранжевое зарево: где-то снова что-то горело.

Несколько мгновений Бержер, не мигая, вглядывалась в это тревожное зрелище.

Затем резко отвернулась и, подойдя к столу, нажала на кнопку коммутатора.

— Зайдите.

Дверь раскрылась, из ярко-желтого прямоугольника в кабинет вступила темноволосая женщина в корпоративной униформе. Нашивки свидетельствовали о ее принадлежности к отделу учета финансов. Закрыв дверь, она вытянулась по стойке «смирно»:

— Явилась по вашему вызову. Добрый вечер, госпожа капитан!

Бержер уселась за стол и несколько мгновений холодно рассматривала собеседницу.

На вид той можно было дать лет 25, хотя на деле ей тридцать три. Худощавая, невысокая, подтянутая, с усталым лицом и взглядом, словно обращенным внутрь. Гладкий овал подбородка, высокий лоб, черты лица в основном тонкие, но нос широковат; узкие, плотно сжатые губы. Ее нельзя было бы назвать образцовой красавицей, но она определенно должна вызывать интерес у мужского пола...

— Я бегло ознакомилась с вашим прошением, — сухо произнесла Бержер, прожигая вошедшую взглядом. — Теперь я хочу, чтобы вы изложили мне устным порядком основания, по которым мне следует дать ему ход. Слушаю вас.

— Я считаю, что в другом отделе смогу приносить Корпорации больше пользы, нежели на нынешнем месте, — без выражения ответила женщина. — Я работаю не по той специальности, которую получала в учебных заведениях и полагаю...

— Вы полагаете, что лучше, чем руководство Корпорации, знаете, как вам жить и кем работать, — перебила ее Бержер. — Это я уже поняла. Но вот я смотрю ваше личное дело, и что я тут вижу? А вижу я тут множество проблем. Руководители отдела характеризуют вас как личность скрытную и необщительную. Отношение к своим обязанностям формальное: уходите почти всегда сразу после окончания рабочего дня. От коллективных увеселений уклоняетесь. Так, смотрим дальше: конфликты с сослуживцами, конфликты с руководством других отделов... Великолепно. Да, вот и Комнрав вас на завтра вызывает. Прекрасные предпосылки для удовлетворения прошения, просто прекрасные.

Наталия М. — так звали новоприбывшую — молчала. Ее взгляд теперь был устремлен куда-то в небытие.

— Я смотрю, вы совершенно потеряли чувство реальности. Забыли, что к чему? Что ж, я вам напомню. Подойдите к окну.

Наталия подчинилась, но встала так, чтобы не терять Бержер из виду.

— Видите зарево? С пожарами не могут справиться уже больше десяти лет. Это проблема, — произнесла назидательным тоном Бержер, подойдя к Наталии. — Падение

производительности труда — это проблема. Падение нравственности среди служащих корпорации — это проблема. Уличная преступность — это проблема. Вот это все — серьезные проблемы, решение которых требует колоссальных усилий. А вы предлагаете руководству тратить время на мелкие капризы недовольных жизнью посредственностей! — Бержер осознала, что почти повысила голос. Надо взять себя в руки.

Она вернулась за стол, уселась, прикрыла глаза и сдавила пальцами переносицу.

— Идите домой, — произнесла она наконец. — Я не поддерживаю ваше прошение, но и чинить препятствий не намерена. Пусть решают вышестоящие. Вы свободны, ступайте.

Наталия вышла. Последняя на сегодня проблема была разрешена, оставалось только ввести в формуляр «На усмотрение руководства компании» и нажать «Отправить».

Все. Рабочий день закончился.

Бержер обнаружила, что снова стоит у окна и смотрит на далекий пожар. Пытается ли его сейчас кто-либо потушить?

Уже более десятка лет город постоянно окутан мглой и смогом. Пожары, происхождение которых было загадкой, медленно, но верно обтачивали Метрополис по краям. Дальние спальные районы давно обратились в Пустошь, и теперь бродячие пожары с каждым годом все ближе подбирались к безопасному пока еще центру.

И, несмотря на все торжествующие реляции со стороны городских властей, никто, похоже, не понимал, что делать с этими пожарами: они непредсказуемо вспыхивали тут и там и порой столь же внезапно гасли еще до того, как приезжала пожарная техника. Ну, а в тех районах, которые уже официально обезлюдели, пожары никто тушить и не пытался.

Бержер вновь поймала себя на крамольных мыслях. Ей все труднее становилось справляться и с этими мыслями, и с воспоминаниями...

...Но — давно пора забыть. По стойке смирно, офицер. Другой жизни нет и не будет. У каждого своя судьба, свое предназначение. И ты, капитан Бержер, свое знаешь. В такие времена чувства неуместны, жалеть себя — преступно. Свой удел надлежит принимать молча, безропотно...

Сжав кулаки и зубы, капитан Стабикома Сесиль Бержер стояла по стойке смирно у окна, чувствуя, как все ее члены наполняются свинцовой тяжестью и немеют.

27 апреля, 21:37. Антон М.

Черный асфальт, мокрый мусор — обломки кирпича, мятые жестяные банки, сломанные ящики... Крысиный труп с червями...

Под редкими фонарями время от времени мелькает серый блестящий плащ с остроконечным капюшоном. Не выпускать его из виду и при этом не выдавать себя становилось все труднее.

Мелькнув под одним фонарем, фигура в плаще под следующим не появилась. Антон бросился бежать. Поворот. Должна была повернуть. Никого. Где же ты могла пойти?

Путь — от башни Kordo Konduktria до подпольного клуба «Ассамблея» — один из обычных маршрутов Наталии по понедельникам. Каждый раз она ходит разными путями. Он упустил ее довольно часто. Да и зачем он вообще шел за ней? Себе это Антон объяснял очень просто: может понадобится его защита. Хоть какая-нибудь. Да, слабак, да трус... Но все-таки мужчина.

Идти рядом с ней она ему не позволит никогда. Антона она ненавидела. У нее были на то весомые причины. Любые попытки примирения были заведомо обречены...

Сейчас он снова упустил ее из виду. Она бесшумно растворилась в наполненной гулом и ржавыми стенами сырой городской мгле.

...Холодный морозящий дождь. Антон поднял глаза к небу и тотчас несколько крупных капель попали ему на лоб. Он стер их и увидел ржавые пятна на ладони. Словно проржавел и начал протекать железный купол небосвода — так ведь его древние эллины представляли? ...Пустые фантазии.

Антон выбирает наугад переулок, в который могла свернуть Наталия, и бросается бегом, стараясь производить как можно меньше шума. Тщетно. Она прошла где-то еще. Но Антон продолжает бежать. Уже не за ней, а от чего-то — от чего-то, что несколько мгновений назад взяло его след и теперь...

Остановиться? Оглянуться? Пусть его захлестнет, пусть все закончится! — Антон на бегу споткнулся обо что-то и едва не растянулся на асфальте...

...Слева чернеет стена. Угол дома, из-за него струится яркий свет. Голоса. Высунувшись из-за угла, Антон увидел, что буквально в тридцати метрах от него под фонарем стоит Наталия, зажата между двоих патрульных. Те пытаются разобрать, что написано в ее документах.

Чувствуя, как в солнечном сплетении у него разгорается пожар, Антон опустился на колени и подобрал с земли обрезок железной трубы.

Но патрульные вернули Наталии ее документы, козырнули и ушли. Наталия тоже моментально скрылась из виду.

Антон же еще какое-то время продолжал стоять, чувствуя, как его тошнит — от страха и от отвращения к себе.

Несколько бесконечных минут потребовались ему для того, чтобы собраться с силами и двинуться дальше.

До «Ассамблеи» оставалось совсем немного.

27 апреля, 21:52. Виктор В.

Как и многие другие подобные заведения, «Ассамблея» пряталась в подвале бывшего завода, на территорию которого можно было попасть множеством разных путей. Виктор предпочитал покосившиеся железные ворота, некогда выкрашенные в синий цвет. Теперь краска почти вся слезла, а ее место заняли пегие разводы ржавчины.

Ворота венчала сваренная из обрезков металлических труб статуя, похожая на готовящуюся к прыжку горгулью. С помощью спрятанной внутри камеры наблюдения владельцы «Ассамблеи» обнаруживали незваных гостей на самых дальних подступах.

Но уж кем-кем, а незваным гостем Виктор здесь не был.

Дверь, тамбур, коридоры, опять спуск и снова коридор. Старый, обшарпанный бетонный пол, всегда подозрительно чистый; ряды кабелей по потолку, стены изрисованы граффити, некоторые даже не лишены художественных достоинств. Запах сырых камней и ветхости, пропитанной дымом.

Узкая, тяжелая дверь с приваренной к ней — зачем? — решеткой. Яркая лампа на столе, за которым, еле видимый, сидит человек. Лицо скрыто в тени. Зато видны лежащие на столе руки — густой шоколадного цвета.

— Добрый вечер, Флестрин, — поздоровался Виктор.

— Добрый вечер, сэр, — раздался в ответ гортанный бас.

Чернокожий великан поднялся из-за стола, подошел к Виктору и, широко улыбаясь, протянул ему руку. Пожатие было, как всегда, внушительным.

— Все ли хорошо сегодня? — спросил Виктор.

— Хм, почти, — ответил Флестрин. — Видите ли, концерт запаздывает. Мы никак не можем дождаться Принцессу. Она сообщила, что, возможно, задержится, но не объяснила, с чем это связано. Ее до сих пор нет, и никто не знает, что и думать.

— Будем надеяться, что вскоре мы ее все-таки увидим.

— Конечно, сэр, — Флестрин произносил это слово с особым вкусом.

Никто в Нортэмперии никогда не обращается друг к другу «сэр», «мсье», «мадам», «мадемуазель» или как-нибудь еще. Это «гнусный пережиток прошлого», с которым беспощадно борются и Стабиком, и Комнрав, и другие комитеты и комиссии, коим нет числа.

И только у экзилитов это обращение в ходу.

Сколько лет назад они появились? Двенадцать? Больше?..

Свое самоназвание они образовали от двух внешне сходных иноязычных слов, одно из которых обозначало «изгнание», второе — «утонченность». «Мы экзилиты, и «утонченность» есть наш образ жизни, а «изгнание» — мера удаленности от сегодняшнего

миропорядка», — гласил первый пункт их манифеста, расходившегося рукописными копиями. Интересно, кто был его автором?

Наряды, манеры, учтивость и сдержанность. Экилиты были субкультурой людей, «игравших в аристократию», стремившихся в своем кругу воспроизвести дух давно исчезнувшего «высшего света» — точнее, конечно, собственное представление о нем, порядком приукрашенное.

Их осталось мало — тех, кто готов тайком пробираться сюда по темным и грязным улицам, чтобы, переодевшись из корпоративной униформы в стилизованные вечерние платья и костюмы, провести несколько часов в обществе себе подобных. А потом так же пробираться домой закоулками, рискуя головой.

В гардеробе Виктор сбросил тяжелый плащ, сменил высокие ботинки с толстой подошвой на лакированную пару, оправил фрак и бабочку.

— Приятного вечера, сэр. — Флестрин открыл перед Виктором дверь в клуб. — Обратите внимание, нам завезли «Мартини».

Виктор почтительно кивнул и вошел внутрь.

Полумрак, столики, покрытые бордового цвета скатертями с золотистой бахромой. Свечи в больших тяжелых подсвечниках. Повсюду на стенах — репродукции классической живописи. В воздухе запах духов, одеколона, пряностей (не иначе как сегодня подают еще и горячий глинтвейн!) и трубочного табака.

Посетителей действительно много — не меньше сорока человек. Впрочем, лица все знакомые. Кто-то, как, например, вон те двое «коллег» по буклегерскому промыслу, кланяется издали, кто-то подходит поздороваться.

А вот и Искандер, совладелец и распорядитель заведения: плотный круглолицый мужчина с подвижным, но очень внимательным взглядом. На лице у него читаются и недоумение, и тревога. А раз так, значит, он считает возможным, чтобы это все видели. Долгие годы в театре хорошо научили его показывать только то, что ему было нужно. Когда-то в той, прошлой жизни он был презнатным актером. Сейчас же он работает секретарем в суде. «Жду того дня, когда буду секретарствовать на собственном процессе», — полушутя приговаривает он.

Искандер поглядывает на часы. Стрелка показывает уже четверть одиннадцатого. На помосте в противоположном от входа конце зала стоят, переминаясь, готовые играть музыканты, но у микрофонной стойки никого.

Пожав плечами, владелец «Ассамблеи» нехотя подал знак, и ансамбль начал играть нечто джазоподобное — очень популярную среди здешней публики песню «Однажды солнечным днем».

Заказав у официанта martini — нет, пожалуй, все-таки, лучше принесите глинтвейн, — Виктор уселся на свое обычное место недалеко от сцены.

Неуютно. Неужели с Принцессой что-то случилось?

Кларнетист уже доигрывал длинное вступительное соло, когда у входа возникло какое-то оживление. Лица музыкантов озарились улыбками. Сбросив плащ и респиратор на руки подоспевшему Искандеру, Наталия — как была, в корпоративной форме, — взлетела на помост и сходу начала петь.

*Каждый год в тот же день, в то же час
Пью бокал со словами «за нас»
И с пустой надеждой разглядеть пытаюсь твой силуэт,
Но всегда вокруг чужие голоса, и дым, и тусклый свет...*

Что-то заставило Виктора обернуться, и он увидел, что в тени у дальней стены стоит его приятель — Антон. Он, значит, тоже здесь? Чертово привидение, мог бы и поздороваться подойти. Надо бы их с Принцессой познакомить.

*Но верю: судьбе вопреки
Обещанье ты сдержишь свое.
Ты сказал мне, прощаясь:
«Мы встретимся вновь —
Однажды солнечным днем».*

Кто и когда это написал? Звучит как стилизация под военные песни начала-середины двадцатого века, а две последние строки припева и вовсе прямая цитата из Веры Линн... Кто-нибудь здесь сейчас помнит Веру Линн?

Голос Наталии мало-помалу заглушил все посторонние мысли. Простая и незамысловатая песня о человеческой потере, а какой мороз по коже от нее... Что ей довелось пережить за свою недолгую жизнь?

На последнем куплете к голосу Наталии присоединились несколько голосов из зала.

*Я верить хочу, что ты жив,
Что все эти годы — лишь сон,
И судьбе вопреки мы встретимся вновь
Однажды солнечным днем.*

Наталия допела с видимым облегчением. В зале зааплодировали, но без глупых выкриков: экиллитам надлежит проявлять сдержанность.

Внезапно у микрофона возник Искандер.

— Браво! Брависсимо, Принцесса, браво, друзья-музыканты! К сожалению, у меня есть пренеприятнейшее известие. Только что мне передали, что Служба общего контроля

перенесла комендантский час с завтра на сегодня. Официально он вступит в силу сразу после полуночи, но мы все знаем, какого рвения преисполнены наши охранители порядка. Поэтому, к величайшему сожалению, наш вечер придется прервать. Всем, кто желает попасть сегодня домой, рекомендую отправиться как можно скорее. С теми же, кто предпочтет остаться, мы с этого момента... ну, допустим, празднуем ее, — он указал на одну из официанток, — день рождения.

В зале загорелся свет. На несколько секунд загрохотала — да так, что затряслись полы и зазвенела посуда, — какая-то третьесортная танцевальная музыка. Ее, к счастью, быстро заглушили. Со столиков и стульев исчезли скатерти и драпировка, и сразу стало видно, что это самая дешевая пластиковая мебель, к тому же порядком потрепанная. Стекланную посуду спрятали, вместо нее появились одноразовые пластиковые стаканы и картонные тарелки. Рамы с картинами повернули обратными сторонами, на которых были наклеены трехцветные агитплакаты, славившие Нортэмперию и проклинавшие ее врагов, внешних и внутренних.

Мало-помалу исчезли наряды, сменяясь серо-синей униформой. Большинство молча покидало заведение, на прощание раскланиваясь с Искандером, на лице которого переливались любезность, смущение и досада.

Таковы правила игры. «Ассамблея» была последним местом, где экзилиты еще могли собираться, не опасаясь, что их немедленно скрутят. Пять лет назад государственные газеты объявили, что экзилиты, дескать, *не чтят свою родину*.

Кому и чем они помешали, осталось загадкой. Но ненависти не нужны ни причины, ни обоснования. Достаточно подходящей мишени. И крепкие мальчишки из Молодежной Лиги в поддержку Порядка быстро, весело и с огоньком очистили Метрополис от *скверны*...

— Bravo! — сказал Виктор, подойдя к Наталии. — Вы сегодня особенно хороши.

— Благодарю вас, — ответила Наталия с мелькнувшей улыбкой.

— Не задумывались о том, чтобы получить лицензию на выступления?

— Нет, я не имею обыкновения торговать телом, — бесстрастно ответила Наталия.

— М-м, простите... Я... ничего такого, — сказал Виктор, понимая, что сболтнул лишнего.

— Я понимаю. Все в порядке, — отозвалась Наталия, все также бесстрастно.

— А, кстати, — Виктор подозвал жестом Антона, тот приблизился весьма неохотно, — позвольте представить, мой приятель...

— Мы знакомы, — перебила Наталия. И на сей раз ее голос прозвучал сухо и враждебно.

— Это моя сестра, — тихо сказал Антон.

— К сожалению, — в тон ему отозвалась Наталия.

— Вот как... Хм... Простите, не знал.

И ведь правда: со всей разницей в росте, чертами лиц Антон и Наталия были слишком похожи, чтобы считать это случайностью. И глаза одного и того же цвета.

...И ледяная стена отчуждения. Правда, кажется, она существует, только для Наталии. Интересно.

Подошел Искандер.

— Принцесса, вы останетесь? Украсите наше общество, хоть оно теперь будет и далеко не столь приятным...

— Благодарю вас, но я, пожалуй, отправлюсь домой, — ответила Наталия.

— Мы проводим. Надеюсь, вы не откажетесь от нашего сопровождения? — спросил Виктор у Наталии.

Та лишь безразлично пожала плечами.

27 апреля, 23:14. Пустошь

...Пробираться через Пустошь в это время — без пяти минут самоубийство. Во всяком случае, надо знать маршруты. Покрытые копотью здания, оставшиеся еще стоять в Пустоши, медленно, но верно оседали и осыпались. И даже приближаться к ним было порой небезопасно.

Хуже того, здесь хозяйничали банды мародеров, рвавшие друг другу глотки за каждый угол, где могло оставаться хоть что-то ценное. К непрошеным гостям они нерадушны...

...Но сейчас все попрятались. На промысел выходит самый крупный, злобный и непредсказуемый хищник ночной саванны — Служба общего контроля. Еще пару лет назад «соколы» во время комендантского часа были уполномочены убивать на месте кого захотят. Потом их формально лишили этого права, да только не все они об этом помнили.

Виктор включил подсветку на часах. Четверть двенадцатого. Что ж, есть еще шанс успеть добраться до ближайшего жилого квартала без особых неприятностей.

...Возле очередного поворота Антон тихо, но твердо произнес: «Стойте». Наталия остановилась так резко, будто закон инерции над ней был не властен.

— Что такое? — тихо спросил Виктор.

В ответ раздался оглушительный лязг и грохот: в десяти метрах от них обрушился балкон второго этажа. Когда эхо устало прыгать по стенам окрестных зданий, Антон все тем же тихим и твердым голосом сказал:

— Держитесь левой стены.

Никто не спорил. Чутье на опасность у Антона было феноменальным. Виктор это знал давно, Наталия, видимо, тоже.

В конце улицы за следующим поворотом горел фонарь. А значит, Пустошь кончилась, начинаются жилые, точнее, еще пригодные для проживания кварталы.

Дым сгустился с каждой минутой. Все трое, сами того не сознавая, ускорили шаг и до фонаря добрались почти бегом.

— Господа, благодарю вас, — слегка отдышавшись, произнесла Наталия. — Отсюда я доберусь самостоятельно.

— Еще квартал, — ответил Антон, снимая респиратор, чтобы поправить затяжки, — и что-то здесь...

— Неважно, — перебила Наталия, — здесь со мной уже ничего не случится...

Фонарь над ними со звоном погас, посыпалось стекло. Одновременно слева метрах в двадцати ослепительно вспыхнули фары патрульной машины.

— Не двигаться! — рявкнул громкоговоритель.

На фоне дымных фар появились три силуэта: два крепких жердя и огромных размеров толстяк. Когда он приблизился, Антон разглядел сержантские нашивки на его воротнике.

— Служба общего контроля, — подойдя, верзила небрежно козырнул и как можно неразборчивее представился, — Сржнтдмин. Вы нарушаете комендантский час. Проходите.

— Добрый вечер, сержант, — подчеркнуто вежливо сказал Антон, застегивая маску, которую едва успел вернуть на место. — Не подскажете, который час?

— Половина двенадцатого, — машинально ответил толстяк. Тут до него дошло. — Умный, да? Ну, ничего, потусуемся полчасика, — прошипел он.

Ситуация складывалась прескверная. От жирного несло перегаром, и его не мог перебить даже запах дешевого дезодоранта.

— Почему без нашивок? — толстяк пихнул Виктора в плечо.

— Временно безработный, ищу...

— Завали, — лениво махнул рукой сержант. — Ой, а это у нас что? Де-е-вушка!

Толстяк протянул руку, чтобы сорвать капюшон с головы Наталии. И тут Антон сделал нечто, чего от него не ожидал никто: со словами «Не трогай ее!» — оттолкнул руку верзилы. Несмотря на как минимум двукратную разницу в весе, толстяк пошатнулся и на секунду замер в изумлении.

Все лучше и лучше: Виктор лихорадочно соображал, что даже если сейчас ему удастся свалить этого борова ударом по голове, вон стоят еще двое, а Антон, мягко говоря, не бойцовского телосложе...

Опомнившись, верзила истошно завизжал и выхватил из-за пояса дубинку. И тут, будто в продолжение его визга, над головами раздался взрыв. Из окна верхнего этажа ближайшего дома выломился ослепительно яркий столб пламени, по асфальту вокруг забарабанил горящий мусор. Патрульные, заорав, бросились наутек. Виктор, Наталия и Антон скрылись в темноте.

Где-то завывла пожарная сирена.

28 апреля, 4:28. Наталия М.

Утро приближалось медленно, но неумолимо. До звонка общеквартирного будильника оставалось еще два с половиной часа, но Наталия понимала, что снова уснуть не получится...

...Мучительный, болезненно яркий, нарочито последовательный и странно логичный сон. Его разные вариации она видела сотни раз. И вот опять — она видела себя стоящей босиком на обшарпанном паркете в каком-то незнакомом полутемном зале. Высокие окна, по сторонам которых свисали, доставая до самого пола, тяжелые пыльные занавеси. На потолке угадывались остатки некогда украшавших его фресок. Стылый белесый свет из окон укладывался на пол вытянутыми, рассеченными на части прямоугольниками.

Зал пуст. Лишь у дальней стены притулился рояль с приставленной к нему черной банкеткой.

Наталия несмело подошла к роялю и вдруг увидела, что за ним в углу сидит, обхватив колени, маленький ребенок. Наталия окликнула его, но дитя даже не пошевелилось.

Наталия озадаченно отступает, потом садится за рояль, поднимает покрытую толстым слоем пыли крышку и слегка проводит рукой по клавишам, словно пытаясь разбудить их до того, как начнет играть.

Их с Антоном бабушка, изредка садившаяся за инструмент, всякий раз играла одну и ту же мелодию. Какую-то задумчивую, лирическую пьесу, написанную в экзотичной тональности — ре-бемоль-мажор. Наталия уже не могла вспомнить ни названия ее, ни имени композитора. Помнила лишь, как ее играть.

Руки слушались плохо. Клавиши казались несусветно тяжелыми, инструмент звучал глухо и будто нехотя. Вдруг краем глаза Наталия уловила какое-то движение. Давешнее дитя, чьи черты вдруг показались странно знакомыми, надвигалось на нее, проскальзывая привидением сквозь корпус рояля. Вместо страха Наталия вдруг почувствовала непреодолимое желание двинуться навстречу. Еще миг, и призрачное дитя стало частью ее самой.

К глазам подступили слезы... Рояль будто ожил и заревел во всю мощь, способный заглушить симфонический оркестр. В серый пустой зал хлынула неудержимая лавина ярких красок; могучий порыв весеннего ветра распахнул окна, мертвый свет обернулся теплыми лучами вечернего солнца, осветившего блестящие полы. Вдоль обитых густо-зеленого цвета тканью и завешанных знакомыми картинами стен выстроились ряды шкафов, пестревших разноцветными корешками бесчисленного множества книг. «Я дома», — прошептала Наталия.

И проснулась.

Порывом ветра, который ей почудился во сне, оказалась струя воздуха из неожиданно включившегося напольного кондиционера. За закрытым квадратным окном чернел угол соседнего здания да виднелся клочок покрытого ржавыми разводами ночного неба.

Обхватив колени руками, Наталия сидела на старом матрасе и рассматривала спартанскую обстановку своей комнаты — узкий шкаф, трюмо, стол и стул, на спинке которого висела ее корпоративная униформа; кондиционер, стоящий в трех метрах от матраса. Да еще старое цифровое пианино у дальней стены — напоминание о тех давних днях, когда Кодекс о благонравии еще не сделал мечты Наталии о сцене несбыточными...

Глаза были совершенно сухими. Наталия давно потеряла способность плакать, даже когда ей этого очень хотелось. Едва стоило подступить слезам, как все внутри как будто опадало. Эмоции рассыпались, точно высохшие песчаные фигурки... Помогало только пение. Но в последнее время голос подводил все чаще. Впрочем, чему тут удивляться, дым — это дым.

На часах 4:32. Обняв колени, Наталия сидит на старом матрасе, пружины которого с каждым месяцем все отчетливее напоминают ребрам о себе, и смотрит, как размеренно мигает двоеточие между цифрами, отсчитывая марширующие секунды.

Приснившийся Наталии дом сгорел полтора десятка лет назад. Сгорел целиком, от него уцелел только фундамент да обломки стен, уже через год заросшие травой.

Ребенок, живший когда-то внутри Наталии, остался среди этих развалин.

28 апреля, 6:07. Антон М.

Антон проснулся от напряжения, которым свело все тело. На часах без четверти шесть.

Ледяной душ помог перестать шататься при ходьбе, кружка кофезаменителя — сфокусировать зрение. Метеотабло во дворе извещало о густой мгле и повышенной концентрации продуктов горения. «Не забудьте сменить фильтр в респираторе...»

События прошлой ночи подернулись той же серой мглой — ноющие мышцы ног оказались единственным свидетельством того, что все случилось на самом деле и не было просто скверным сном. По счастью, лица Виктора и Наталии были скрыты респираторами, так что этот кабан, с визгом удравший от взрыва, их опознать не сможет. Разве что по нашивкам. Но такие нашивки в городе носят по меньшей мере две тысячи человек. Успел ли он разглядеть лицо Антона?.. Да какая разница.

...Техотдел корпорации Kordo Konduktria обязан был в полном составе прибывать на рабочие места до половины восьмого. Чтобы успеть, Антону приходилось выходить из дома в половине седьмого, за полчаса до окончания комендантского часа. Получить отметку «систематические опоздания» было куда хуже перспективы словить по морде от сонных патрульных.

Половина техотдела и вовсе ночевала на матрацах прямо под рабочими столами. По утрам в зале стоял совершенно nepoтpeбный запах...

Ровно в 7:30 заревел гудок, означавший начало рабочего дня для технического персонала. Заревел и поперхнулся: везде разом мигнули лампы. Удостоверившись, что серверы продолжают работать как ни в чем не бывало, Антон нажал кнопку на интеркоме:

— Четвертый корпус, шестой этаж, у нас сбой в подаче электричества...

— Да, да, знаем, — раздраженно ответил интерком. — Ты не в курсах что ли?

— Насчет чего?

— Понятно. В общем, делюга такая, что ночью в Калере подстанция *graschela rovenyje*¹. Нас переключили на подстанцию в Эрме, но того, что она дает, мало. Так что моргать будет сегодня весь день, это как минимум.

— Не было печали...

— Мы пытаемся раскочегарить местные дизеля, но без понятия, получится ли. В общем, кропи свои бесперебойники святой водой и молись, чтобы дуба не дали. И другим скажи.

— Понятно. Мы как раз тут свой генератор перебирать начинали. Удачи, парни.

— И вам.

В дверь серверной всунулась бритая голова.

— Здорово, чо со светом, не выяснял?

— В Калере сгорела подстанция, — ответил, не оборачиваясь, Антон. — Приехали, в общем.

— И что теперь?

— Без понятия. Электрики пытаются запустить дизеля. Пошли-ка допереберем вчерашний генератор, он нам явно сегодня понадобится.

Они уже заканчивали, когда в мастерскую ворвалась какая-то мордастая туша с всклоченным галстуком и принялась самозабвенно и нечленораздельно орать. Орала упоенно, оглушительно, аж заходила криком. Антон и его напарник далеко не сразу поняли, что поводом для воплей было их отсутствие за рабочими столами.

— *Avaud umejeshu broesche*², — с ненавистью пробормотал напарник, когда туша, прооравшись, скрылась.

— Много чести, — ответил Антон.

— Всем сотрудникам технического отдела пройти на построение, — скомандовало радио.

¹ Нортэмпери́йское нецензурное ругательство, обозначающее резкое и необратимое прекращение функционирования чего-либо. Примерно соответствует выражению «накрыться», но в предельно грубой форме.

² Давай ему шею ломаем (*нортэмп.*).

28 апреля, 8:24. Сесиль Б.

Корпорация Kordo Konduktria занимала обширный комплекс высотных зданий почти что в самом центре Метрополиса. Крупнейший в Нортэмперии производитель кабелей, а также электрического и коммуникационного оборудования мог себе это позволить. Хотя около трети всех помещений пустовала.

В крытом внутреннем дворе располагался строевой плац. Ряды мощных софитов, закрепленных на стальной раме под крышей, обливали ярким белым светом две тысячи голов — персонал корпорации прибыл на утреннее построение.

Стоя на балконе, Бержер оглядывала властным взглядом бледных невыспавшихся людей. Большинство сутулится, будто их давит к земле. Но сейчас прозвучит команда «смирно», и все они вытянутся по струнке.

В задачи Бержер входил контроль над проведением всех корпоративных церемоний и ритуалов, а по сути она их и проводила. Временами она сомневалась в необходимости этих построений, отнимавших до часа рабочего времени. Но с другой стороны, она вполне понимала, что большинство находящихся там внизу людей все устраивает. Им даже нравится: ведь что такое утренние построения? Само олицетворение Порядка. Дисциплины. Субординации. Контроля. Чего еще может желать в эти трудные времена добропорядочный гражданин Нортэмперии?

Бержер взглянула на часы: три минуты до начала церемонии.

— Всем департаментам доложить о готовности, — тихо скомандовала она в закрепленную на голове гарнитуру. — По слову «смирно» начали.

— Смир-рно! — прогремел над их головами могучий голос капитана Стабикома.

В ответ стемнело, и первые аккорды гимна взревели так, что задрожала земля.

— Звуковая, черт вас дери, у вас уши заложило? — рывкнула Бержер, в служебный канал. — Уровень на десять делений вниз!

Громкость стала чуть более терпимой.

— Звук, после построения явиться ко мне, — приказала Бержер.

— Есть, — угрюмо ответили на том конце.

Раскаты гимна закончились. Луч прожектора-«пушки» поймал и повел поднимавшуюся по боковой лестнице на трибуну невысокого тщедушного человечка, одетого в пурпурную хламиду с золотым шитьем. Когда он оказался на трибуне, в алую шапочку уперся еще один косой луч. Сверху на кране спустилась камера, и изображение широкого лица проповедника возникло сразу на трех гигантских экранах подвешенных на стене над трибуной.

Приняв внушительную позу, проповедник Монктон начал вещать.

...Бержер разглядывала нового подчиненного. Скользкий и неприятный даже на вид тип, работу свою он, однако, выполнял вполне компетентно. И уж во всяком случае, не тянул резину, в отличие от многих других. Управился за 15 минут.

— ...В эти сумрачные дни мы нуждаемся в единстве более, чем когда-либо.

Нортэмперия верит в вас, братья и сестры. Верьте и вы в Нортэмперию!

— Rega Nortemperia³! — рявкнула Бержер.

— Rega Nortemperia! — отозвался снизу не слишком стройный, но зато мощный хор из двух тысяч голосов.

— Руководителям подразделений раздать указания и развести персонал по рабочим местам, — скомандовала в микрофон Бержер. — Служба общего контроля, обеспечьте порядок транспортировки рабочих к производственным объектам. Всем, вызванным на заседание Комиссии по надзору за нравственностью, пройти в третий корпус. Четвертый этаж, залы 403 и 406.

Персонал корпорации по-военному организованно покидал плац. Когда никого не осталось, Бержер отдала приказ выключить освещение.

— Звукооператоры, я жду вас в кабинете через десять минут, — прозвучало в полумраке на весь двор.

28 апреля, 10:58. Наталия М.

Первая буква фамилии обеспечила Наталии почти двухчасовое ожидание. Очередь перед ней насчитывала человек тридцать, по большей части — женщин. Они выходили они из зала бледными, трясущимися, многие — в слезах. И при этом с просветленными лицами — ни дать, ни взять грешники, приведенные к раскаянию...

Но спокойный и, казалось бы, безразличный вид Наталии их раздражал страшно.

— Сидит тут, кисонька, спокойная вся такая, — продребезжала очередная «грешница», проходя мимо Наталии.

— Вы ознакомились с памяткой? — Над Наталией нависла распорядительница.

— Да.

— Прочитайте еще раз, внима... А, нет, вас уже вызывают, идите.

В зале царил густой полумрак. Ровно посередине стоял деревянный стул с высокой вертикальной спинкой, вызывавшей неприятные ассоциации. На сидение были направлены лучи сразу трех прожекторов. С потолка свешивался кронштейн с камерой. По правую сторону от стула изображал статую вооруженный сотрудник Службы общего контроля. От него воняло грязью.

³ Правь, Нортэмперия (*нортэмп.*)

У дальней стены стоял длинный стол, за которым восседали члены комиссии. Дисплеи лежавших на столе планшетов слегка подсвечивали снизу лица, но черт было не разобрать.

Наталия встала рядом со стулом. Включилась запись гимна — сокращенной версии, выпущенной специально для подобных мероприятий.

— Садитесь, — произнес председатель комиссии, когда в последний раз жажнули друг о друга оркестровые тарелки. Наталия узнала голос давешнего проповедника.

Сверху спустилась камера и вперилась «подсудимой» в лоб.

— Имя и номер.

— Наталия М., личный номер M459900.

— Вы знаете, почему вас вызвали?

— Понятия не имею, господин председатель, — ответила Наталия.

— Хорошо, мы объясним, — сказал председатель.

— Вам уже 33 года, — заявил член комиссии, сидевший одесную председателя.

— Вы не занимаете руководящих должностей, — продолжил голос, принадлежавший даме, сидевшей ошуюю.

— У вас отдельное жилье, — деловито отметил член комиссии, сидевший с правого края.

— Весьма средние доходы, — добавил левый крайний.

— Так почему вы еще не замужем? — спросил председатель.

— Почему вас это интересует? — осведомилась Наталия.

— Здесь вопросы задаем мы! — хором рявкнула комиссия.

— Простите, — неизвиняющимся голосом ответила Наталия.

— Я жду ответа, — решительно заявил председатель.

— Я справляюсь сама и не нуждаюсь в муже. Этот ответ вас устроит?

— Нет, — ответила десница председателя.

— Так не пойдет, — заявили с правого края.

— Не годится совершенно, — заявила председательская шуйца.

— Какой эгоизм, подумать только! — воскликнули с левого края.

— Ваша самонадеянность выглядит прескверно, — сказал председатель. — Видимо, либо вы втайне распутничаете, либо у вас проблемы со здоровьем — больше ничем ваше отсутствие интереса к семейной жизни объяснено быть не может.

— Никаких иных объяснений, — категорично заявила соседка председателя слева.

— Подумайте об Империи, наконец! — возвестили с левого краю.

— В нашем государстве женщина — это не только гражданская и трудовая единица, но и носитель вполне конкретных функций, — назидательным тоном произнес Монктон.

— И обязательств! — почти крикнул сидевший на левом краю.

— Да, — заглушил его сосед председателя справа.

— Дети, — пояснили с правого края.

— Семейная жизнь и дети. Минимум двое, — констатировала соседка председателя слева.

— И этому идеалу вы отказываетесь следовать, — заявил председатель. — Так не пойдет. Если вы сами не в состоянии наладить свою личную жизнь, мы готовы помочь. Для этого у нас существуют и средства, и возможности. Если у вас проблемы со здоровьем, обращайтесь к специалистам. И не затягивайте с этим. Встаньте.

Наталия поднялась.

— Комиссия по надзору за нравственностью постановляет, что в течение ближайших двенадцати месяцев у вас должна появиться семья, — объявил председатель. — Все, вы свободны, вызовите следующего.

Наталия торопливо вышла, чувствуя, что сейчас ее может стошнить.

— Вы не поблагодарили комиссию! — Распорядительница у двери схватила было Наталию за локоть, но тут из зала раздалось громогласное «Где следующий?!»

28 апреля, 11:04. Дормин

Сержант Дормин сидел на краю низкой скамьи в раздевалке Окружного управления Службы общего контроля и курил, держа сигарету большим и указательным пальцами. Отвисшая нижняя губа дрожала, уголки рта были опущены, и все в его массивном лице выражало обиду и досаду. Ночное дежурство не задалось совсем.

Вместо охоты на мелкую дичь на окраине Пустоши ему пришлось участвовать в тушении пожара, потому что это тоже, видите ли, работа Службы общего контроля. Заставили таскать мокрые шланги, крутить вентили, делать всю прочую хрень... В канализационный люк чуть не загнали пацана — не пролез, крупный стал слишком...

Дормин повел пустым взглядом из стороны в сторону, поднес ко рту сигарету, глубоко затянулся, а затем выпустил облако дыма — такое огромное, что, казалось, обычные человеческие легкие столько не вместят... И вдруг вскочил, завизжал и начал со всей силы дубасить кулачищами по синей дверце раздевального шкафа.

За два часа, проведенные в раздевалке, сержант успел разгромить ее всю. Следы от кулаков виднелись на каждом шкафу, некоторые дверцы были смяты или вырваны, одна из двух скамей разломана — на ней прыгали. Теперь жертвой неудержимой ярости стал отдельно стоявший раздевальный шкаф с надписью «Sgte. Dormin».

Дормина в Управлении боялись и недолюбливали. Никто не знал, откуда он взялся: просто однажды, когда Метрополис еще не был закрытым городом, эта туша протиснулась сквозь дверной проем, держа в руках документы о переводе из какого-то захолустного городка на другом конце страны.

Много раз его командиры писали рапорты наверх, просили и даже требовали уволить рядового Дормина со службы за постоянные нарушения и неповиновение приказам. Сначала эти рапорты игнорировали, а затем как-то раз в ответ на очередную жалобу пришел приказ о присвоении Дормину звания капрала.

По этому случаю было организовано торжественное построение. Офицер вручил Дормину новые лычки, козырнул и резко отдернул руку. Новоиспеченного капрала моментально сбили с ног и потом долго и с удовольствием бегали по нему всем строем.

Через два месяца Дормин вернулся из госпиталя в Управление — присмирившим, послушным и исполнительным. Впоследствии его даже начали поощрять: оказалось, он вполне способен был раскрывать уличные преступления — ловить убийц, воришек, контрабандистов и прочую мелюзгу. Там, где ему не доставало ума, он полагался на звериное чутье и мертвую хватку. И это работало.

В прошлом году его произвели в сержанты. Но так и оставили в отделе уличного патрулирования.

На разгромы, подобные сегодняшнему, командиры предпочитали смотреть сквозь пальцы.

...Шкаф был привинчен к полу, но это не помешало Дормину его свалить. В тот момент, когда раздался железный грохот, в раздевалке погас свет. Через мгновение зажглись две красные аварийные лампы, послышалось шипение статики, и Дормин услышал знакомый голос, который всегда заставлял его бледнеть и трястись. Хотя его обладателя он никогда не видел.

— Значит, не смог удержать? — ласково произнес плосковатый баритон.

— Так точно, — вскочив и вытянувшись по стойке смирно, проблеял Дормин. —

Пожар вспыхнул.

— Да ты свой хрен в руках не удержишь, малыш. Лиц тоже не запомнил?

— Двое были в респираторах. Но одного я узнаю...

— Он один мне не нужен. Он опасен, но сам по себе — беспомощен. Все остальные тоже поодиночке беспомощны. Но поодиночке они мне не нужны. Понял?

— Прикажете искать и брать всех троих вместе?

— Всех четверых. Удачи, малыш.

Снова включился свет. Дрожа коленями, Дормин опустил обратно на скамью... Но тут дверь открылась, и снова пришлось вскакивать. Впрочем, всунувшийся в нее полицейский был таким же сержантом. Можно не козырять.

— Опять разгромил тут все, кабан чертов?

— Рассердился, — буркнул в ответ Дормин, закуривая.

— Приберись, а то офицеры...

— Да приберусь, приберусь! Чего хотел-то?

— Послезавтра сбор на Паноптикуме.

— А-а! — воодушевился Дормин. — Наконец-то!

— Да, и лейтенант ждет объяснительную по аварии — тот тип, которого ты сбил... В общем, только что передали, что ходить он больше не будет

— Вот и хорошо! Вот и славненько! А его родня пусть мне теперь платит за разбитую машину и возмещает моральный ущерб.

— Слышь, оставь их уже...

— Ага, разбежались! — заорал Дормин. — Я из-за него на машину угрохал целый капитал, да меня еще и оштрафовали! Из-за какого-то куска дерьма, который бегать не умеет! Да я всю их породу изведу!!!

Дормин вскочил и начал бешено пинать поваленный шкаф. Пожевав губами, второй сержант закрыл дверь.

28 апреля, 13:49. Библиотека Анзиха

Три стука подряд, четвертый после паузы. Спустя несколько мгновений облезлая дверь приоткрывается и наружу высовывается голова в грязно-белесых дредах.

— М-м, ты. Привет, — раздался сипловатый басок. — Ранехонько. Заходи, не стой.

Дверь открылась пошире.

— Мне б покурить сперва.

— М-м. Кури наверху, как обычно. Новье принес какое?

— Так, по мелочи. Кое-что только мне интересно, — отозвался Виктор, протягивая свежедобытый сверток хозяину квартиры — двухметровому тощему парню лет двадцати пяти.

Сзади него на дальнем конце квартиры мелькнула и спряталась рыжая женская голова.

— Ты не один? — спросил Виктор.

— Не, — усмехнулся парень, потроша сверток. Из всей пачки внимание его привлекло именно то, что Виктор собирался оставить при себе. — Слышал что-то вот про это. Говорят, сейчас и не доищешься. Где ты это все берешь?..

— *Во многой мудрости многоя печали.* Кстати, вот именно это-то я придержу пока. Все остальное — твое.

— М-м, — на большинство реплик своих собеседников хозяин квартиры отвечал коротким полурассеянным подмыкиванием. За эту особенность его прозвали Анзихь⁴. Теперь он и сам представлялся только этим прозвищем.

— Ладно... Беру все. Сколько с меня?

⁴ От Ding an sich, «Вещь в себе».

— На этот раз несколько. Мне бы тут перекапаться пару ночей, да, может, скопировать и распечатать кое-чего. Не помешаю?

— М-м. Не. Да, кстати, я это... — он кивнул в сторону чердака, — туда проводку протянул, так будешь курить — включай вентилятор, чтобы дым не полз. Да и наружу не выползал. А то мало ли... Пойду-ка я еще посплю. За книжки спасибо.

— Приятного...

...Выкурив сигарету, Виктор вернулся в квартиру и, тихо миновав переднюю, вошел в большую комнату, целиком заставленную книжными шкафами. Ну, вот он и дома.

Библиотека Анзиха — одна из лучших в городе. Ее хозяин — человек, в общем-то, начитанный, но далеко не всегда способный отличать зерна от плевел, так что на одной полке у него могли стоять «Пистис София», бульварная дрянь и, например, Боке.

Несколько десятилетий назад интеллектуалы с печалью в голосе жаловались друг другу, что дети перестали читать. Однако же кто мог тогда, лет двадцать пять — тридцать назад, предположить, что дети тогдашних детей снова начнут читать книги? Да так, что буклегерство обратится в промысел, достаточно доходный, чтобы компенсировать все хлопоты, да и постоянную угрозу жизни... Расскажи об этом кому-нибудь тогда, вмиг на смех бы подняли.

В углу на низкой тумбе стоял старенький ноутбук-трансформер с отсоединяющимся дисплеем. Это само по себе было большим подарком для местных завсегдатаев, любителей читать, расхаживая между полок.

Пора посмотреть, что на этом носителе. Это всегда кот в мешке, никогда не знаешь заранее, что тебе попадет. Но вдруг повезет, и именно здесь найдется ответ на давний вопрос...

Много лет назад Виктору пришла идея, которая даже ему самому казалось сумасшедшей: что, если история сегодняшнего дня была кем-то *переписана*?

Будучи историком по образованию, он хорошо знал: чтобы изменить прошлое, нужно не так уж много, старик Ирвилл рассказал, как все это делается, еще добрых девяносто лет назад.

Нельзя ли и с будущим сделать *то же самое*?

Но от всего, что происходило с Нортэмперией на протяжении последних полутора-двух десятилетий, складывалось впечатление осознанного вмешательства. Словно кто-то написал фантазмагорический сценарий, который последовательно и целенаправленно воплощался в действительность. Виктора мало интересовал этот «кто-то». Куда сильнее хотелось понять, где во времени могла располагаться та самая поворотная точка, с которой «сценарий» вступил в действие — если он и вправду существует, конечно...

А каким будет его финал? Гностики предрекали всему миру стремительную смерть в огне, едва его покинет последний «пневматик»ⁱⁱ.

Пожары начали пожирать Метрополис более десяти лет назад. Правда, в последние года три все стабилизировалось — никаких значимых перемен, ни к лучшему, ни к худшему. Как будто само время остановилось или стало бегать по кругу.

А вдруг и нет его, никакого финала-то? Не написан еще?

Если удастся понять, когда все началось, то возможно ли найти хотя бы теоретический способ изменить направление процесса? А то и практический. Если еще не поздно...

Бегло изучив свой документальный улов, Виктор выключил компьютер. Ничего подходящего он пока не нашел. А раз так, пора посмотреть на ту книжку, которую для него доставали с большим трудом и за большие деньги.

«Aster Coelestis», гласила обложка. Автор... Да, Виктор слышал про него. Писатель, арестованный по доносу, провел в тюрьме почти ровно десять лет и после освобождения на этом свете задержался весьма ненадолго. Большую часть «Aster Coelestis» он тайком написал за решеткой.

Читать первые страницы оказалось нелегко: сквозь каждую фразу проступали печать тихого, несчастного безумия и сознание приближающейся смерти. Автор открыто говорил, что дни его сочтены и что единственное, чего он еще хочет в жизни, так это передать другим то, *открылось* ему самому.

Пролистав далеко вперед, Виктор выхватил глазами несколько значимых фрагментов, описывавших видения автора... Мда, очень похожие описания он уже слышал — от своего близкого знакомого.

Виктор вытащил телефон и позвонил Антону.

28 апреля, 13:59. Антон М.

— У нас сорок секунд, дальше начинаем привлекать лишнее внимание, — быстро проговорил Антон в трубку. Звонка Виктора он ждал, но тот все равно пришелся некстати.

— *Я ее нашел,* — раздалось в динамике.

— Мои поздравления...

— *В паршивом состоянии, некоторых страниц не хватает. Я ее проглядел мельком. Местами чертовски похоже на то, что ты мне рассказывал. На твои предположительные «глюки»...*

— Мне бы самому поглядеть. Жаль, ее у тебя вчера на руках не было.

— *Она только сегодня ко мне попала,* — проскрежетала трубка. — *Мне надо еще пару дней, чтобы ее проштудировать как следует. Как сестра твоя* — Как обычно. Но хотя бы при встрече «спасибо» сказала.

— *Ну, и поди плохо?*

— Так, время. Свяжемся.

— *Будь.*

Антон спрятал телефон как раз тогда, когда в опасной близости от него материализовался один из менеджеров по персоналу...

28 апреля, 14:04. Отделение Комитета по сохранению стабильности в Kordo Konkutria

Дормин слегка вспотел, пока шел к кабинету Корпоративного куратора Стабикома в Kordo Konkutria. У Комитета по сохранению стабильности столько власти, что капитан — с хорошего подполковника СОК будет. Чего от него хотят? И почему его одного вызвали?

Около двери он остановился. «Электронный секретарь», выждав положенные пять секунд, осведомился, кто он и зачем пришел.

— Сержант Дормин, Служба общего контроля, прибыл по вызову.

— Ожидайте.

Спустя несколько секунд из динамика на двери раздался уже другой голос, живой:

— Зайдите.

Голос был женским. Неужто к бабе прикомандировали?

Дверь открылась. Дормин вошел и, увидев на другом конце кабинета фигуру в форме, вытянулся, руки по швам:

— Капитан Бержер, сержант Дормин прибыл по поручению полковника Арманна.

Бержер отвернулась от окна и смерила новоприбывшего взглядом — тяжелым и прожигающим, как раскаленный стальной стержень. То, что она увидела, ей не понравилось, однако заявленным спецификациям поставленный образец соответствовал.

— Мда, — произнесла Сесиль. — Ну, что ж, садитесь, сержант.

Дормин присел на край плюгавого стула для посетителей, широко расставил ноги, уперся правым локтем в колено. Бержер заняла свое кресло за столом, сцепила руки в замок и снова внимательно посмотрела в лицо сержанту.

— Вероятно, вам известно, что позавчера в двух кварталах отсюда была найдена одна из молодых работниц нашей Корпорации, — деловым тоном начала Бержер. — Найдена избитой и изнасилованной. Известно?

Дормин настороженно кивнул.

— Два часа назад мне позвонили из больницы. Пострадавшая умерла, — сказала Бержер.

— Улицы — опасное место, — с расстановкой проговорил Дормин. — Молодым девушкам не стоит ходить по вечерам в одиночку.

Бержер что-то очень не понравилось в его голосе. Впрочем, этот тип ей не нравился весь целиком.

— Она шла вместе с группой, как положено, — жестким голосом ответила Бержер. — Однако их остановил патруль Службы общего контроля и без каких-либо причин забрал с собой именно ее.

Дормин напрягся, Бержер увидела, как у него двинулась вперед нижняя челюсть.

— Я вижу, вам это не нравится, — чуть смягчила тон Сесиль. — Мне тоже. Вопреки рекомендациям руководства, я не собираюсь мириться с происходящим. Я говорю «происходящим», поскольку это уже не первый подобный случай. Не первый он и в том смысле, что в преступлении так или иначе замешаны служащие СОК. Я намерена решить проблему раз и навсегда. Для этого вас ко мне и прикомандировали.

Дормин поднял брови.

— Так вот, сержант, — резко и властно заговорила Бержер. — Мне нужен тот, кто это сделал. Живым и здоровым. По крайней мере, без выбитых зубов, переломов и отбитых органов. Имейте в виду: мне нужен именно сам насильник, а не первый же *хрен* с трущоб, которого вам заблагорассудится повинтить среди ночи, понятно? У меня достаточно длительный опыт ведения допросов, чтобы за пять минут определить самооговор.

Дормин угрюмо кивнул. Бержер откинулась на спинку и повернула голову к окну.

— Ваше руководство отзывается о вас без особой теплоты. Однако все подчеркивают вашу цепкость и беспощадность.

Дормин осклабился.

— Так вот, доставьте мне этих ублюдков. Даже если это ваши сослуживцы и личные знакомые. Я позабочусь о том, чтобы Корпорация и Стабиком щедро вознаградили ваши усилия. Приказ о вашей командировке подписан, послезавтра вы и двое ваших подчиненных переходите под мое командование до конца расследования. Вопросы есть?

— Никак нет, капитан.

— Прекрасно. Тогда жду вас и ваших подручных на первичный инструктаж послезавтра в восемь утра. Да, и имейте в виду, что ваша поддержка может понадобиться и для некоторых других операций Стабикома. Мне сообщили, что в округе в последнее время активизировались всякие проходимцы, так что не исключено, что меня могут направить на работу «в поле».

— Понял. Разрешите идти?

— Разрешаю. Всего хорошего.

Дормин поднялся, козырнул и потопал к выходу. В тот миг, когда дверь за ним закрылась, свет снова на мгновение погас, затем включился снова. Бержер решила, что пора на обед.

28 апреля, 14:31. Рабочий день в Kordo Konduktria

— Ну, девочки, вы все слышали, — раздалось злобное мурлыканье. Две работницы бухгалтерского отдела прижимали Наталию к стене в пустом коридоре. — Попыталась перевестись в другой отдел.

— Снова Аните будут мозги мыть, дескать, у нас плохой рабочий климат, — обиженно проворковал прокуренный голосок.

Из-за спин своих шестерок появилась сама Анита — крупная баба с круглым и плоским, как сковородка, лицом. Начальница отдела отчетности.

— Так значит, вот эта schpreläga⁵ пыталась перейти в другое место? Не устраиваем мы ее, значит? — осведомилась Анита, нависая над жертвой.

Наталия молча смотрела своей начальнице в переносицу. Говорить что-либо было абсолютно бесполезно.

— В общем, слушай сюда. Ты тут себя считаешь на сто петрелей дороже всех нас, но для меня ты кусок говна на кафеле. И если из-за твоей попытки перевестись меня начнут мотать, собрать тебя на совочек мне раз плюнуть — до первого патруля дойдешь, поня...

— В чем дело? — загремел над ними голос Бержер.

Державшие Наталию бухгалтерши брызнули в разные стороны, начальница попыталась сбежать, но Бержер поймала ее за локоть и прижала к стене рядом с Наталией.

— Вы ей угрожали, и я это слышала, — произнесла Бержер ровным тоном. Ничего хорошего он не предвещал.

— Я... я... — пробормотала начальница отдела.

— Да, именно вы. Так что с этого момента вы отвечаете за ее безопасность. И если с ней что-то случится, спросят лично с вас. Где бы вы в тот момент ни находились. Это понятно?

— Н-н-н...

— Я спрашиваю, вам понятно? — Бержер на полшага придвинулась к начальнице отдела отчетности.

— Д-да...

— А про патрули мы с вами отдельно потом поговорим. Вернитесь на рабочее место. Начальница исчезла.

Наталия так и стояла, глядя перед собой в пространство. Бержер обратилась к ней.

— Раз уж вы здесь: пришел ответ на ваше прошение. Вам отказано.

Наталия кивнула.

— Это и есть причина, по которой вы хотели перевестись? — кивнула Бержер вслед начальнице и ее подручным.

⁵ Мелочь, шмакодявка (*нортэмп.*).

— Нет, капитан, — отозвалась Наталия.

— Возможно, если бы упомянули об этом, ответ мог быть другим.

— Теперь это не имеет никакого значения, капитан, — безучастно ответила Наталия.

— Вы правы. Идите работайте.

Наталия, кивнув, ушла. После недолгих раздумий, Бержер отправилась в главный зал.

В тот момент, когда она перед ней раздвинулись двери, освещение погасло.

Мгновением позже вспыхнули аварийки.

— Техбригада в зал Б, срочно! — раздалось по внутреннему радио сквозь шипение статики.

Все, кто находился в помещении, поднялись со своих мест, в воздухе разлилась густо замешанная тревога.

В зал вбежали несколько работников техотдела, в их числе Антон, сразу подбежавший к серверной стойке. Светодиоды на ней мигнули и погасли еще до того, как он добежал до места.

И тут вдруг яркий свет полился оттуда, откуда его не ждали совсем, — из окон.

— Смотрите, что это? — раздался голоса. — Пожар?!

— Да это солнце!

Почти все, кто был в зале, бросились к окнам. Залезли с ногами на подоконники, задрали жалюзи — так, увидев за окнами карнавальное шествие, школьники срывают урок благонравия.

— Всем немедленно отвернуться и отойти от окон! — рявкнул знакомый Сесиль плосковатый баритон.

На приказ никто не отреагировал. Она что, одна его слышала? Стоявшие у окон по-прежнему, как зачарованные, глазели на источник яркого света где-то там, вверху. Сама Бержер была слишком далеко от окна, чтобы разглядеть его.

— Вернитесь на места! — крикнула Бержер.

— Всем немедленно отойти от окон! — снова раздался голос. На этот раз в нем слышалась... злоба?

— У нас практически нет электричества, — передала по внутренней связи Бержер. — Техники, в чем дело?

— Пытаемся понять, — отозвались с противоположного угла зала.

Люди по-прежнему сидели и стояли на подоконниках. Яркий свет за окном начал меркнуть.

— Проблема не у нас, снизу сообщили, что сбоят по всей округе, — услышала Сесиль голос техников.

— Я не буду повторять в третий раз, — с угрожающим спокойствием произнес голос.

И сразу же в зале раздался испуганный крик, а затем другой и третий: из вентиляционных решеток густо повалил дым.

— Вентиляция! Вентиляция накрылась! — закричал Антон, бросаясь к ближайшей решетке, чтобы перекрыть заслонку.

Замок заело, в пальцах не хватало сил, чтобы повернуть чертову ручку... поддалась! Скорее к следующей решетке... Закрыл! Теперь следующая, скорее... Но от едкого дыма текло из глаз, и руки, и ноги слушались все хуже. Голову будто сдавило бетонным обручем. Уже как сквозь вату в ушах, он услышал, как Бержер командует всем лечь на пол. На пол... На пол...

...Там, где были окна, осталось лишь одно бледное светящееся пятно, вдоль которого тянулись во встречных направлениях струи дыма. А вокруг клубилась тьма. Антон понял, что лежит ничком, попытался подняться, но ему только и удалось, что повернуться набок.

Внутри светлого пятна сгустилась тень, приобрела человеческие очертания — сделалась хрупкой женской фигурой. Сестра... Подходит ближе.

— Пятнадцать лет, — ее голос прозвучал бесплотно, безжизненно...

— Пятнадцать лет, — хрипло, как будто отвечая вслух голосам из тающего сновидения, произнес Антон.

Из темноты послышался разноголосый шепот:

— Что ты натворил?.. Что ты наделал?.. Виновен... Смерть...

Земля дрогнула. Откуда-то со стороны послышались тяжелые, глухие удары, медленно обратившиеся в звук шагов. Сбоку из темноты на Антона надвигалась огромная безликая фигура. В ее руке что-то блеснуло. Антон вновь попытался встать, но смог лишь приподняться на руках. Рядом с его головой в бетон впился громадный ботинок. Антон понял, что нависший палач заносит карающее лезвие... что через миг бессмысленная сталь разорвет шейные мышцы, раздробит позвонки, рассечет спинной мозг... Голова стукнет об пол, а истлевающие остатки духа продолжают падать — вниз, вниз, вниз, в небытие...

Вместо удара, Антон вдруг почувствовал, как его подхватывают сзади за плечи, приподнимают, что-то надевают на лицо — маску. А в маске была жизнь — холодная, горькая, тоскливая, но жизнь. И легкие втянули ее, не спрашивая у своего обладателя, хочет ли он на самом деле жить дальше.

— Живой? Живо-ой, — прогундосил чей-то довольный голос.

Антону помогли подняться. Вокруг стало совсем светло, дыма почти не осталось, вновь заработавшая вентиляция стремительно очищала воздух от всего постороннего. Вокруг суетились фельдшеры в противогазах, приводя в чувство тех, кто потерял сознание. А их было немало.

— На, хлебни. — Антону в руки всунули фляжку.

Он сделал большой глоток — просто вода. В голове постепенно прояснялось.

— Электричество вернули, вентиляция тоже заработала, как видите, — крикнул кто-то из технарей.

— Связь? — раздался ослабевший голос Бержер. Ей тоже потребовалась помощь, но сейчас она уже стояла на ногах, пусть и нетвердо.

— Разбираемся, — отозвался Антон и закашлялся.

— Поторопитесь, — сказала Бержер. — Так, все по местам!..

Мало-помалу в зал «Б» возвращалась нормальная рабочая обстановка.

Нескольких человек пришлось отправить в медчасть — как раз тех, кто первыми полез на окна. Завтра, в самом худшем случае, послезавтра, они снова все будут в производительном состоянии...

28 апреля, 21:39. Сесиль Б.

Поворот ключа зажигания. Двигатель начинает чихать и снова смолкает. Процедура повторяется. Снова и снова. В какой-то момент ключи звякают в полной тишине. Двигатель мертв.

Сесиль не садилась за руль четыре года. К ней был приписан личный водитель, но сегодня вечером он исчез. Куда он мог запропасться, да еще вместе со служебной машиной?

С тех пор как Сесиль в последний раз садилась за руль, в городе многое поменялось. Знакомые дороги оказались перекрытыми или непригодными для проезда, и в результате она совсем сбилась с пути. На краю Пустоши двигатель заглох. Сотовая связь едва ловилась. Попытки вызвать ремонтную бригаду оказались тщетными, навигатор не работал.

Беспомощность. Ненавистное чувство. Что делать? Сидеть на месте до утра? Нет уж!

Сесиль вылезла из машины, раздраженно хлопнула дверью и огляделась по сторонам. Дыма и мглы было не так много. Насколько Бержер хватало зрения, вокруг расстилалась угрюмая, испещренная мертвенно-белыми и оранжевыми точками панорама полуживого города.

Машина застряла на возвышении, рядом с последним работающим фонарем. Дальше — темнота, и справа, и слева. Позади — бескрайняя промзона, пустые гаражи и заброшенные склады. Впереди — два, может быть, три неосвещенных квартала. И лишь за ними начинаются жилые освещенные районы. Небогатый выбор. Бержер почувствовала страх, но тот сразу же сменился гневом. Отыскав в багажнике тяжелый фонарь с длинной ручкой и удостоверившись, что он работает, Бержер двинулась вперед.

...Примерно на полдороге к освещенным кварталам она в первый раз почувствовала, что за ней кто-то идет. Она резко остановилась и, да, услышала-таки звук шагов, сразу, однако, стихший. Развернувшись, Бержер повела фонарем туда-сюда, но никого не увидела.

— Кто здесь?! — почти крикнула она, но ответом было только короткое эхо.

Чертыхнувшись, Бержер ускорила ход. И снова — кто-то невидимый шел сзади, но сколько Сесиль ни оглядывалась и сколько ни шарила лучом фонаря по сторонам, разглядеть никого не могла.

— Выходи на свет или убирайся, — приказала Бержер тем самым властным тоном, заставлявшим окружающих стелиться травой.

Но здесь вокруг были только темные стены, которые безразлично растерзали звук голоса на беспомощные обрывки эхо.

Бержер почувствовала накатывающий ужас. Она почти вбежала в какую-то арку, и тотчас увидела две человеческие фигуры, перегораживавшие выход. Они двинулись ей навстречу.

Выставив фонарь перед собой, Бержер увидела только замотанные по глаза лица. В руке у одного блеснул нож.

Кто-то попытался напасть сзади, — и сразу же отправился целоваться со стеной: рукопашным боем Бержер занималась долго и усердно. Второй нападавший получил рукоятью фонаря лоб и откатился в сторону. У третьего Бержер выломала из рук нож, но тут ее сбили с ног сильнейшим ударом в спину. Навалившись сверху и схватив за волосы, противник несколько раз ударил Бержер головой об асфальт и принялся с урчанием рвать с нее одежду...

И вдруг ее отпустили. Раздался истошный вопль и звуки ударов, а затем послышался громкий мужской голос:

— Эта дама со мной. Если у кого-то есть возражения, я к вашим услугам.

Почти оглушенная болью, Сесиль с трудом повернула голову и увидела высокого человека в длинном плаще. Он стоял в пол-оборота в бойцовой стойке. В руке виднелась длинная палка с тяжелым набалдашником на конце. Нападавшие на четвереньках пятились прочь от него. Луч фонаря, выпавшего из рук Бержер, на мгновение выхватил одно из лиц, искаженное страхом и ненавистью и залитое кровью. Спустя несколько мгновений все трое исчезли.

— Что ж, вижу, животным тоже свойственно благоразумие, — громко сказал им вслед долговязый. Затем он повернулся и присел на колени рядом с Бержер. — Вы целы? Не бойтесь меня, — произнес он, увидев, как Бержер инстинктивно заслоняется от него рукой. Чтобы не светить фонарем ей в лицо, он щелкнул зажигалкой и увидел... то, чего бы предпочел на женском лице не видеть никогда.

— Вот же нежить, — пробормотал он, доставая из кармана проспиртованные салфетки. — Простите, сейчас будет немного больно, это спирт.

Бержер с шипением втянула сквозь зубы воздух, когда салфетка обожгла ссадину на лбу.

— Дайте еще, — сказала она.

— Прошу, берите, сколько надо, — отозвался незнакомец.

Бержер с силой прижала несколько салфеток ко лбу, как будто пытаюсь выдавить боль вон.

— Кто вы? — спросила она, когда боль перестала быть нестерпимой.

— Местный житель, — отозвался незнакомец. — К сожалению, эти вот тоже местные жители. Сможете встать?

Бержер кивнула.

— Держите, — он протянул Сесиль руку и помог подняться. Рука была крепкой и теплой, и никакой угрозы от нее не исходило. — Нам нужно уходить отсюда как можно скорее: эти твари трусливы, но с численностью их отвага прирастает. А ваши обидчики явно побежали набирать себе ансамбль поддержки.

Бержер сделала нетвердый шаг. В глазах плыло, но на ногах она держалась.

— Хлебните, это спиртное, — сказал незнакомец, протягивая ей фляжку.

Сесиль приложила к горлу и закашлялась.

— В четырех домах отсюда живет мой приятель, попробуем добраться до него, там более-менее безопасно.

— Фонарь... — пробормотала Бержер.

— Ваш? — отозвался незнакомец, поднимая фонарь с асфальта и взвешивая его на руке. — Изрядная вещь... Держите, — он протянул фонарь хозяйке. Затем подобрал нож, глянул на рукоятку, чертыхнулся и спрятал оружие за пазуху...

28 апреля, 22:19. Виктор В.

— Ты совсем охренел? — шипел Анзихь, размахивая руками, что с ним бывало крайне редко. — Мы же договаривались!

— Я заплачу, сколько потребуешь.

— Да не в деньгах дело!

— Послушай, будь ты человеком, черт побери! — воскликнул Виктор. — Посмотри на нее! Ее только что пришлось отбивать у Крыс! Что бы ты сделал на моем месте, а?

— Так, стоп. — Анзихь резко выпрямился и перестал махать руками. — У Крыс?

Виктор молча достал давешний нож и продемонстрировал его рукоять, оплетенную странным серым материалом.

Анзихь ткнул пальцем в пол и вопросительно посмотрел на Виктора.

— Задвинул, естественно, — ответил Виктор. — В подъезд не попадут.

— М-м, — в привычной манере отозвался Анзихь. — Ладно, заходите. Марта!

Появилась подруга Анзиха, едва достававшая ему до плеча босоногая девчонка потрепанном сарафане, с такими же давно не мытыми дредами, но только рыжими. Взглянув на гостью, она ойкнула и утащила Сесиль промывать и бинтовать раны.

— М-м-м, никакой связи, — с досадой пробормотал Анзихь, щелкая ногтем по дисплею смартфона, — крысобою не позвать.

Вдруг он повернулся к Виктору и, глядя ему в глаза, веско произнес:

— Не дай бог.

— Под мою ответственность.

— Идет, — ответил хозяин и с ухмылкой спросил: — Вам два матраца или один?

...Ужин получился скудным, но вкусным, — свою порцию гостя уничтожила без остатка, и это, скорее всего, означало, что обошлось без сотрясения мозга или каких-то еще более серьезных травм.

Вид у нее, однако, был ошеломленный.

Виктор читал вслух перевод из «Аластора» Шелли. В какой-то момент он увидел, что глаза ее госты закрыты, и прервал чтение. Женщина тотчас же настороженно уставилась на Виктора.

— Как вы себя чувствуете?

— Голова кружится... Нет, не беспокойтесь, это не сотрясение, — она даже чуть-чуть улыбнулась. А затем снова прикрыла глаза, — просто тут все очень... странно.

— Отчего же? — спросил Виктор, откладывая книгу.

— Ночевать в таком... диком месте, в неустроенной... *берлоге*, простите. И столько книг. Большая часть ведь — запрещенные, правда?

Виктор пожал плечами.

— Никогда не мог понять, отчего книги могут запрещать. Впрочем, не будем об этом. Я, кажется, так и не спросил, как вас зовут? Я прозываюсь Виктором.

— Сесиль, — ответила женщина.

— Какое интересное имя... Не думал, что услышу его в наших краях.

— Мой отец был гражданином Канады.

— Понимаю.

— Но я его не помню. Он бросил нас с матерью, когда мне не было еще и трех лет.

После этого мы вернулись сюда, — сказала Сесиль.

Виктор покивал, выдержал небольшую паузу и сказал:

— Сесиль, надеюсь, вы не слишком оскорбитесь, если я попрошу вас никому не рассказывать про это место. На свете осталось не так много вещей, которые были бы мне дороже этой, как вы выразились, берлоги. Если вы понимаете, о чем я.

— Конечно, — глядя в пол ответила Сесиль. — Я вам обязана. Никто не узнает.

— Вот и прекрасно, — сказал Виктор. И, помолчав, продолжил: — Я, видите ли, немного еще помню прежние времена. До пожаров. И с чистым небом — хоть иногда... Вероятно, и вы еще их помните. Вот эта, как вы выразились, берлога — последний мой

мостик... туда. Увы, желающих сжечь и его — видимо-невидимо. И лишь потому, что... как тут говорят? «Ибо нечего тут».

— Я слышала это выражение в другой форме, — с усмешкой ответила Бержер.

— Наверняка слышали. Но я не позволяю себе выражаться при дамах.

— Вы вообще разговариваете как... как экзилит, — сказала Сесиль.

— В самом деле? Хм, когда-то в этом не было ничего предосудительного. Или... вам это так сильно не нравится?

— У нас в корпорации так не положено. Но... Продолжайте читать, это... красиво.

— Извольте, — улыбнувшись, ответил Виктор и снова взял книгу в руки...

Спустя несколько минут чтения Виктор поднял глаза и увидел, что его гостя спит. На этот раз уже точно.

Кто же она такая? На ее плаще, который сейчас, почищенный и помытый, сох в передней, были те же нашивки, что носили Антон и Наталия. При этом она была в гражданской одежде — черных брюках и черном же свитере. Старший менеджер? Личные машины полагаются только высокопоставленным управленцам...

С несколько мгновений Виктор рассматривал ее лицо.

Было ли оно красивым? Если считать стандартом красоты смазливость блондинок с обложек, то нет. Овальное лицо, обрамленное могучими каштановыми кудрями — для того, чтобы наложить бинт, ей пришлось распустить волосы, доселе собранные в плотный пучок на затылке. Высокий, немного выпуклый лоб, сейчас скрытый повязкой, слегка курносый нос, мощные скулы и при этом крупный, грубовато очерченный подбородок — лицо человека, от природы очень сильного и свою силу сознающего сполна. Во всем ее облике чуялась суровость богини из античного пантеона. Гера? Возможно, но скорее — кто-то еще более древний... Никта? Да, пожалуй.

Сейчас вочеловечившаяся «богиня ночи», по-видимому, пребывала в полной власти своего сына Гипноса, который увел ее в такие глубины, что она даже не проснулась, когда Виктор бережно уложил ее на матрац и накрыл одеялом.

Ну, вот, а теперь можно пойти покурить. И тоже, пожалуй, укладываться.

29 апреля, 7:37. Сесиль Бержер

Утром Виктор проводил Бержер через окраину Пустоши и довез до больницы — Дома милосердия имени Святого Антония.

Старая карга, сидевшая в приемном боксе, разразилась было бранью, но пары цветистых фраз хватило, чтобы ее заткнуть. Передав гостью врачам, Виктор исчез в уличном дыму.

Лишь тогда Бержер предъявила врачу служебное удостоверение, и персонал больницы тотчас преисполнился сладчайшего подбострастия. Только что ниц не попадали...

...Заработавший с третьей попытки рентгеновский аппарат не обнаружил у Бержер никаких серьезных повреждений головы. Зато выявил старые трещины в ребрах. Флюорография показала плохое состояние легких, но могло ли оно быть другим в Метрополисе? Тахикардия — тоже ничего удивительного.

Ей хотели выделить отдельную VIP-палату, но, увидев, как из нее выгоняют двоих и вывозят третьего, она не терпящим возражений тоном приказала вернуть их обратно. В конце концов, в палате была четвертая койка — накануне освободившаяся.

Наконец, ее оставили в покое. Отрешенно глядя в стену, покрытую обколупавшейся кислотно-зеленой краской, она пыталась понять, что ей помешало достать удостоверение сотрудника Стабикома прямо на входе и ткнуть его под нос разбредавшейся кастелянше. Почему она этого не сделала? Из-за Виктора?.. Он спас ее, обеспечил ей ночлег, каким бы диким тот ни был, проводил ее через Пустошь, привез ее сюда. В его присутствии доставать оранжевую корочку было почти что нарушением субординации...

...Впрочем, довольно раздумий. Хотя бы сотовая связь здесь работает? Да. Отлично. Первый звонок — подача рапорта. Второй звонок заместительнице. Инструктаж по проведению построения. Третий звонок в гараж. Автомобиль вышел из строя, ответственного за состояние автопарка послезавтра ко мне на ковер, пока же отправьте экспедиторов забрать машину, она должна стоять на обочине в полукилометре к востоку от Мелетских складов. Водитель нашелся? Нет? Обращайтесь в Службу общего контроля, пусть займутся поисками.

Так, что еще? Да, тот полицейский. Нет, звонить ему она не станет. Ограничится сообщением о переносе инструктажа...

Несколько минут Бержер разглядывала смартфон. Распоряжения отданы, механизм запустят без ее участия. И даже если нынче утром ее труп нашли бы в той арке, ничего не изменилось.

Один капитан Стабикома сменит другого, и все в Корпорации точно так же станут вытягиваться в струнку с испуганными лицами, а он — чувствовать, какой огромной властью обладает. До тех пор, пока сам не столкнется с чем-то чуждым и не хлебнет бессилия полной мерой...

Бержер неожиданно почувствовала, как голова налилась свинцом, — это начало действовать успокоительное. Скоро ее придавило тяжелым сном.

30 апреля, 3:04. Крумм, Ионаш

Сесиль проснулась глубокой ночью от нестерпимой жажды и странного и незнакомого ощущения пустоты, только что образовавшейся где-то поблизости. Несколько мгновений она лежала неподвижно, не чувствуя ни рук, ни ног, как будто сознание существовало уже почти отдельно от тела, и всякая связь между ними грозила разрушиться от любого движения. Но вот она попробовала пошевелить пальцами рук, а потом и ног, и вскоре вполне удостоверилась, что все на месте и в функциональном состоянии.

Она поднялась. Все остальные обитатели палаты, казалось, спали. Над лежачим больным, у которого была забинтована голова, тускло горела дежурная лампочка. Несколько мгновений Бержер смотрела на капельницу над ним. Потом что-то заставило ее подойти к его койке.

Он лежал с открытыми глазами, и они были неподвижны.

На тумбе рядом с ним лежала пластиковая планшетка, оставленная, видимо, кем-то из врачей. Бержер поднесла его к лампе, чтобы разобрать, что там написано: «Крумм, Ионаш. Автоавария, ожоги второй и третьей степени 65% тела...»

Крумм, Ионаш. Что-то знакомое... Водитель. Так же зовут ее водителя. Это он? Бинты скрывали лицо, видны были только неподвижные глаза и небольшая часть лба.

— Крумм, — окликнула его Бержер.

Взгляд остался остекленелым.

Прикоснувшись к его коже, Сесиль поняла, что та совершенно холодна.

Бержер почти выбежала в коридор и позвала на помощь. Но ответом были лишь безучастный гул труб и гудение немногочисленных ламп. На другом конце — раскрытая дверь, из которой бьет яркий свет. Бержер решительно направилась туда. Короткий освещенный участок, долгая тень, опять работающая лампа, снова тень и наконец ослепительно белое помещение. Медсестра спит, лежа на столе, положив голову на скрещенные руки. Рядом опрокинутая алюминиевая кружка. Запах не оставляет никаких сомнений в том, что именно в нее налито.

Бержер со всей силы шарахнула ладонью по столу. Медсестра проснулась и разразилась было руганью, но ответом была жестокая оплеуха, которая вмиг разогнала хмельную пелену.

— За мной, живо, — тихо приказывает Бержер.

Взгляд ее настолько страшен, что старая ведьма послушно вскакивает и семенит следом. В дверях палаты Бержер указывает на койку Крумма.

— Вы проспали пациента.

— А, что?.. Ах, жмур? Ну, что поделать, бывает, что и жмур, — бормочет старуха, водя фонариком над глазами Крумма. — Все, тут уже ничего не поделаешь.

— Вы за это ответите.

— А я-то тут при чем? Вовсе я тут ни при чем, ну, помер и помер... И... И драться незачем!

Потом появляется врач и, пожимая плечами, повторяет то же, что сказала медсестра. Крумм мертв. Его тело застегивают в пластиковый мешок и увозят.

Не в силах более заснуть, Сесиль Бержер до рассвета бродит по бесконечным больничным лестницам и коридорам. Оглядывает ряды труб и кабелей, темные пятна на осыпающихся потолках, считает ступени и бетонные плиты на полу и прислушивается к пугающе потусторонним звукам, коими спертый больничный воздух пропитался до перенасыщения...

30 апреля, 20:39. Антон М.

— *Новый номер?*

— Не мой, — ответил Антон. — Перенаправил зашифрованный звонок через одну сволоочь, начнут доискиваться, холку надерут ему.

— *Так себе место ты выбрал для встречи.*

— Через десять минут начнется погрузка второй очереди по автобусам. В толпе проще затеряться.

— *Верно, но только я бы предпочел не только передать тебе посылку, но и переговорить с глазу на глаз. Там есть предмет для разговора.*

— Давай минут через пятнадцать у поворота на Южный проспект. Мне как раз тут сейчас бумаги подпишут.

— *Идет.*

— До скорой встречи.

— *До скорой.*

Трубку на виду не покуришь, сразу привлечешь внимание. Поэтому сигарета. Площадь Паноптикум огромна, и на ней всегда много людей — торговые центры располагаются по всему периметру. Хотя треть пустует.

Противоположная сторона едва видна. Виктор, по-видимому, где-то там. И у него, возможно, книга с ответами на некоторые вопросы.

Антон взглянул вверх. Даже сквозь мглу вращающаяся алая эмблема видна отчетливее некуда. Уж сколько лет... А у Антона это зрелище по-прежнему вызывает мурашки по коже.

Со вчерашнего дня похолодало. Похолодало настолько, что изо рта валил пар и порывы сырого ветра, как осатаневшие гарпии, хватали его и взмывали ввысь, к неприступному бастиону облачной тверди. Сегодня там неспокойно.

Случайные прохожие... Пустые лица, выгоревшие глаза. Люди, похожие на сухие прошлогодние листья, шуршащие по асфальту. И кажется, будто им только и надо, что

забиться по щелям или сгрудиться у стены вместе с другим сором, и чтобы ветер, наконец, оставил их в покое....

...Метрах в двадцати стоит сотрудник Службы общего контроля. На нем характерный шлем, придающий ему вид пришельца. Автомат в руках. Готов стрелять в любого, кто побежит?..

— Мужчина, зайдите. Документы готовы, — раздается сзади.

Антон возвращается в магазин.

30 апреля, 20:48. Виктор В.

Для Виктора минувшая ночь обернулась фантасмагорическим приключением: рейд за контрабандными книгами у речного шлюза на северо-западной окраине едва не стоил жизни троим буклегерам. Одного вовремя достали из воды, второго откачали после сердечного приступа, а третьего — реанимировали после электрического шока. Зато добыча вышла знатная, выловили почти все свертки с книгами...

Вернувшись к себе, Виктор проспал полдня. А проснувшись и утолив голод, взялся дочитывать «Aster Coelestis». Для вдумчивого чтения двух неполных дней не хватило, но и в том, что он успел прочесть, чуялся какой-то подвох. Как будто разные части книги писали совершенно разные люди... И все же слишком многие описания из «Aster...» отчетливо перекликались с тем, что видел или о чем, по крайней мере, рассказывал Антон. Можно, конечно, допустить, что он шизофреник с галлюцинациями — да он и сам так думает. Но все чаще Виктору казалось, что он имеет дело с духовидцем. Да и потом, когда одно и то же видят уже два человека, не знакомых друг с другом по причине того, что родились с разницей ровно в столетие — это уже повод задуматься.

В том числе и о том, а не доводилось ли Антону когда-либо читать эту книгу... Как все запутано.

На Паноптикуме много камер. Скорее всего, большинство из них не работают, но тем не менее, надо смотреть в оба и быть готовым скрыться из виду при малейших признаках интереса со стороны «соколов». В воздухе разлита тревога... Что-то происходит. Или еще нет?

30 апреля, 20:57. Антон М.

Ветер. Очень сильный ветер. Низкие, торопливые тучи, в которых утонул шпиль башни Паноптикум. Эмблему на его вершине видно отовсюду вопреки всем законам физики и оптики. Неважно, что гласят эти законы. Каждый должен видеть эту эмблему. Каждый. Всегда.

Вавилон, самый высокий твой зиккурат достиг-таки зенита, и теперь это ты — Град Небесный. Место хрустальных дворцов заняли стеклянные небоскребы, неприступная стена твоя — дым, и не имеешь ты нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, на то есть свечение от пожаров и уличные фонари. Лераса Babilim!⁶

Огромная дымная фигура с антропоморфными очертаниями, вздымается над Башней, застилая полнеба. Торжествуя выкидывает вперед левую руку и совершает ею широкое круговое движение, как будто повелевая самому времени бежать по кругу...

— Вот ты где! Эй, что с тобой?.. Ты меня слышишь?

— А? Да, привет. Извини, засмотрелся. Посмотри на небо.

— Да, похоже, буря собирается... Слушай, я только что был около выхода на Южный. Автобусов, про которые ты говорил, нигде на площади нет. Выход перекрыт, и там толпа «соколов». И, кажется, их все больше становится, — сказал Виктор.

— Та-ак, — пробормотал Антон, оглядываясь по сторонам. — И вон там их тоже с десяток будет. К чему бы это?

— Понятия не имею. Ничего не слышал. Но если что, у нас проблемы. Отсюда особо некуда деваться в принципе.

— Нет, подожди, — звенящим от напряжения голосом ответил Антон. — Вон там в ста метрах — арка, сквозной проход. Если через заборы перемахнем, сможем уйти дальше во дворы.

— Хорошо, пошли... — Виктор бросил короткий взгляд в сторону. — А точнее, бежим. Быстро и молча!

Все работники Службы общего контроля на площади разом вдруг повыхватывали резиновые дубинки и бросились избивать прохожих.

30 апреля, 21:00. Саранча

Давно уже Дормин не испытывал такого кайфа. Нанося беспорядочные удары налево и направо, он ревел и хохотал, тем громче, чем слышнее были крики его жертв и треск ломающихся костей.

Шум и крики прорезал треск из множества громкоговорителей, развешанных по всей площади. Затем отовсюду разом послышался властный баритон:

— *Внимание! В связи с повышенной угрозой общественных беспорядков Служба общего контроля проводит профилактические мероприятия. Если вы находитесь в зоне профилактики, неукоснительно выполняйте любые приказы офицеров Службы. Не пытайтесь сопротивляться. Не пытайтесь скрыться. Повторяю! В связи с повышенной*

⁶ Радуйся, Вавилон (нортэмп.).

угрозой общественных беспорядков Служба общего контроля проводит профилактические мероприятия...

Около стены лежали несколько человек — с ними профилактическая работа была, похоже, проведена уже по высшему разряду. Один приподнял окровавленную голову и слабым голосом произнес:

— Все... правильно... С нами... иначе нельзя...

— Козел, — тихо и внятно ответил ему Виктор. Сам-то он уже схлопотал по ребрам — не сильно и без последствий: вовремя упал на землю и сгруппировался.

Где Антон? Они так и не добежали тех спасительных ста метров, их буквально смело стадо перепуганных клерков, за которыми с веселым гоготом неслась туча черной саранчи...

...Вон он. Увернулся от одной дубинки, перепрыгнул через другую, бежит к злосчастной арке. Быстрее, парень, быстрее. Туда уже скрылись двое или трое. Похоже, двое «соколов» заметили брешь... Виктор поднимается и тоже бросается бегом. Саранча летит наперерез.

...Какой-то шуплик красиво навернулся через вовремя подставленную ногу Дормина и шикарно шлепнулся на мостовую всем телом. Дормин отвернулся было, но вдруг понял, что уже где-то видел сбитого с ног. Тот самый, который сопротивлялся! Расплывшись в кривой улыбке, верзила подошел ближе. Лягушонок без особого успеха попытался подняться. А вот тебе пинка: лежать! Э, да это же один из тех троих... стоп, их велено брать разом всех четверых. Троих он видел, а кто четвертый? А, какая разница. Дормин понял, что не может отказать себе в удовольствии, и ухватил дубинку покрепче, сразу двумя руками.

Виктор добежал до арки первым. Он думал, что черные с палками должны быть еще далеко, а Антон — совсем рядом, но когда он обернулся, оказалось, что все наоборот. До того, как его самого сбили с ног, Виктор успел увидеть, как над пытающимся подняться Антоном навис верзила в форме, как с деловитой обстоятельностью палача поднял над собой дубинку и в следующий миг обрушил ее на голову своей жертве.

II. Exodusⁱⁱⁱ

10 мая, 8:54. Библиотека Анзиха

Из выбитой двери доносились ругань и грохот. Наконец, наружу, как ошпаренный вылетел, Анзихь и тотчас же угодил в железные объятия работника Службы общего контроля. Тот моментально выкрутил библиотекарю руки и поставил его на колени лицом к капитану Бержер. Щелкнули наручники.

По-военному заложив руки за спину и расставив ноги, Сесиль стояла у стены и смотрела в открытую дверь.

У ее ног на полу белели две канистры с бензином.

Из двери вывалился очень довольный Дормин.

— Больше никого? — спросила Бержер.

— Нет, капитан. Но там...

— Я знаю, — перебила его Бержер и кивнула на канистры. — Займитесь.

Дормин с видимым удовольствием козырнул, поднял канистры и утопал обратно.

Бержер подошла к Анзиху и, наклонившись прямо к его уху, тихо спросила:

— Давно он тут был в последний раз?

— Кто?! — окрысился Анзихь.

— Ты знаешь, о ком я, — ответила Бержер и тут увидела, что подручный Дормина отводит руку для удара. — Не смей!!! — рывкнула она так свирепо, что оторопевший «сокол» даже отступил на шаг. — Идите проверьте два этажа под нами, там могут быть сообщники.

«Сокол» нехотя отправился вниз.

— Так давно он тут был? — полушепотом спросила Бержер.

— Давно! Сволочь, это так ты его благодаришь за спасение?! — шипел Анзихь.

— Да. Так. Он спас меня, а теперь я спасаю его. Прости, что не тебя, — тихо ответила Бержер, проверяя наручники на арестованном.

— Никого, капитан, — доложил вернувшийся «сокол».

— Уведите. Оформите за тунеядство. Узнаю, что били, лично пристрелю, ясно? —

Бержер так посмотрела на рядового, что он только мелко закивал.

Анзиха увели. Из библиотеки снова вышел Дормин.

— Готово, — сказал он. — А кстати, о ком это вы его тут расспрашивали?

— Не ваше собачье дело, Дормин, — огрызнулась Бержер.

— А с чего это не мое-то? — нагло спросил сержант.

Бержер повернулась к нему и с нарастающей ненавистью во взгляде, начала наступать.

— Не ваше. Собачье. Дело. Где насильник? Где убийца, которого вы «ловите» третью неделю, таская мне всяких оборвышей? Почему эта тварь еще не за решеткой? Потому что это был кто-то из ваших, да?!

И вдруг она поняла, что Дормин ее не боится. Не то, что не выказывает никакого страха, а и в самом деле не испытывает его.

— Своих конторских куриц запугивай, а меня не надо, — насмешливо проскрипел он.

— Как ты сме... — тихо спросила Бержер.

У любого живого человека от ее взгляда мгновенно выгорело бы все нутро. Но только не у Дормина.

— Да уж смею. Или ты всерьез думала, что Служба общего контроля будет перед тобой отчитываться? А?! Ха-ха-ха-ха! Детка, это мы тут — власть! А ты, — тут он начал сам

наступать на Бержер, медленно разводя руки, как будто готовясь схватить ее, — а ты вообще не пойми кто, нянька ясельная...

Вдруг из его рации донесся истошный вопль: «Командир, он сбежал!!!»

— Дебил! — рявкнул Дормин, бросаясь к лестнице мимо Бержер.

Спустившись на полмарша он, однако, обернулся, многообещающе погрозил ей пальцем и лишь затем забарабанил ботинками по ступеням.

Анзихь все-таки воспользовался ключом от наручников, который Бержер всунула ему в руку. Ищите теперь ветра в поле, подонки.

Сесиль достала телефон.

— Полковник? Добрый день, капитан Бержер беспокоит. Я аннулирую мандат унтер-офицера Дормина. Не оправдал доверия... Да, результаты нулевые, чтобы не сказать отрицательные... Дормин попытался мне угрожать... Да, именно. Полковник, на вашем месте я бы проверила именно его... Да, на причастность. И его людей тоже... Это — на ваше усмотрение. Всего доброго.

Убрав телефон, Бержер шелкнула стальной зажигалкой, но затем вдруг захлопнула ее крышку и решительными шагами вошла в квартиру.

Часть книжных полок была повалена, все вокруг было щедро залито бензином. В пахучих лужицах на полу плавали обрывки бумаги, оторванные обложки, какой-то мелкий мусор. Допотопный ноутбук на тумбе. Его Бержер забрала с собой.

На кухне и в жилой комнате хозяина все тоже было разгромлено. Бержер осмотрела чулан, шкафы и антресоли и, лишь окончательно убедившись, что никаких признаков Марты в квартире нет, она вышла обратно на лестничную клетку.

Пару секунд она стояла и смотрела на огонек в ее руках.

— Прости меня, — устало шепнула она и швырнула зажигалку в дверной проем.

10 мая, 17:23. Полковник Арманн

Кабинет полковника Службы общего контроля Арманна обставлен был не то, чтобы по-спартански, но и без излишеств типа реквизированных статуй. Предметом роскоши можно было счесть разве что письменный стол, изготовленный, судя по истертому металлическому клейму, где-то в конце XVIII века.

На столе аккуратной стопкой лежали несколько папок с делами, на подставке стоял терминал связи, а на противоположном от Арманна краю красовалась табличка-уголок: «П-к С. Арманн, Служба общего контроля».

На обитой пробкой стене висели несколько грамот и орденов под стеклом; большая их часть, как и полковничье звание, были получены лет восемь-десять назад. После этого карьера Арманна забуксовала — начальству не нравился его шепетильный подход к своим обязанностям.

Сегодня у Арманна официально был выходной, но он все равно приехал на работу — по двум неотложным делам. Одно из них должно было разрешиться в ближайшие полчаса.

Раздался стук в дверь.

— Войдите!

В дверь втокнули долговязого бородатого человека в разбитых очках и рваном пальто. Он заметно хромал на левую ногу. Вид у него был удрученный. Да и пахло от него удручающе. Молодцеватый, мордастый конвоир бодро отрапортовал:

— Господин полковник, задержанный доставлен.

Арманн поднял глаза, кивнул и снова погрузился в чтение.

— Разрешите идти? — после короткой паузы спросил конвоир.

— Разрешаю...

Конвоир бодро развернулся на каблуках и сделал шаг к двери, но тут снова раздался голос Арманна:

— Стой!

Солдат повернулся.

— Наручники с задержанного сними. Все, теперь свободен.

— Есть! — козырнул конвоир, освободил новоприбывшего от браслетов и бодро утопал прочь.

Арманн, ухмыльнувшись, посмотрел на задержанного.

— Шуточки у тебя, полковник... — пробормотал Виктор, потирая запястья.

— Что, страшно?

— Не без этого. — Оба усмехнулись.

Арманн указал на стул.

— Садись давай. Чаю, кофе?

— Кофе лучше, — ответил Виктор, присаживаясь и протягивая руку.

Арманн протянул свою. Двое бывших однокашников скрепили руки в пожатии-«замке». После этого Арманн хлопнул по кнопке электрочайника.

Арманн и Виктор учились в Гренхеймском университете, некогда лучшем учебном заведении Нортэмперии. Виктор изучал историю и культуру, Арманн же учился на кафедре медицины катастроф и готовился работать спасателем. Пять лет они прожили в одной комнате общежития, периодически разбивая друг другу физиономии из-за девочек. Но это не мешало им оставаться близкими друзьями.

После окончания университета Арманна вместо Службы спасения отправили служить к пожарникам, да так и не дали перевестись — слишком ценный кадр. Через несколько лет Противопожарную службу, Службу спасения, а также полицию, общеуголовную и политическую зачем-то слили воедино — так образовалась пресловутая Служба общего контроля. Согласие Арманна продолжать работать под эгидой новой спецслужбы Виктор, мягко говоря, не одобрил, и с тех пор общались они все реже. Десять лет назад Арманна

перевели в Метрополис. А шесть лет назад Виктор в очередной раз приехал в город по делам, да так в нем и застрял: город «закрыли».

Лишь года полтора назад оба снова случайно встретились на улице. А точнее, на пожаре, который Виктор и еще несколько гражданских помогали тушить. С тех пор Арманн внимательно приглядывал за своим непутевым товарищем.

— Что ж, поздравляю: подозрения с тебя сняты, — сказал Арманн, раскрывая одну из папок. — Но на твоём месте я бы на ближайшее время залег под корягу. Хоть дворником где-нибудь, да устройся.

— Я должен повиниться перед тобой, полковник. Я явно недооценивал твоё могущество.

— Оно, конечно, спасибо, да только тут не в моём могуществе дело, а в том, что пронесло тебя, засранца... уж прости за каламбур. Свезло тебе. Ой, как свезло. Основной фигурант дела, по которому тебя мариновали, — дядька ушлый: три проститутки нарисовали ему жирное алиби. В Осохране в тот же день, когда тебя задержали, грохнулась база данных, второй раз за месяц. Грохнулась так ловко, что теперь ни один сканер в городе вынесенные оттуда книги не распознает. Ну, а в норке твоей, книжный ты мой червячок, случились 451 градус по Фаренгейту, да.

Виктор молча уставился на Арманна.

— Не понял?

— Сгорела твоя «библиОтека», — Арманн специально сделал ударение на третий слог. — K tra...matiri.

Резкий треск интеркома заглушил ругательство.

— Занят! — рывкнул Арманн, нажав кнопку. — Так вот, сегодня с утра там был пожар. Уж не знаю, что случилось. Но только, если бы там успели побывать, например, сотрудники Стабикома, да и нашли бы там твои шмотки и утащенные книги... Навинтили бы тебя на дрын правосудия, как ты в юные годы выражался, по самый си-диз.

— Си-бемоль, — мрачно поправил Виктор.

— Да хоть ля-бекар, babunamast⁷! — воскликнул Арманн. — Никакого моего могущества не хватило бы, чтобы тебя отмазать, понимаешь? Слушай, — заговорил полковник вполголоса, — ты же умный человек, а? Вот какого черта ты так рискуешь? Без нашивок по ночам по улицам пересекаешь, да еще и с книгами. Заняться больше нечем, а?

— А тебе что в этом всем? — спросил тот, обводя взглядом кабинет.

В ответ Арманн резко поставил перед Виктором табличку-треугольник со своими регалиями.

— Это моя служба. И моя жизнь. Еще вопросы есть?

⁷ Нортэмперийский эвфемизм.

— Еще вопросов нет. Ну, а на свой ты и сам ответил, — отозвался Виктор, взяв со стола табличку и крутя ее так и этак. — У тебя твоя жизнь тут, а там, в «библиОтеке», сгорел здоровый шмат моей. А быть может, и один из друзей. А у меня их и так негусто.

— Поставь мой понт на место... Нет, человеческих останков там не было. Можешь мне поверить, мы все прошарили.

— Хорошо, коли так.

— Слушай... Давай я тебе коридор на кордонах выделю, а? Поедешь ты к себе домой. Писательская лицензия у тебя есть, сиди спокойно да кропай себе романы про освоение Юпитера, а?

— Юпитера, ага... Знаешь, полковник, для формы с погонами ты неуместно порядочный человек. С другой стороны, именно поэтому я думаю, что ты меня поймешь. Две недели назад еще один из моих немногочисленных друзей попал под профилактику на Паноптикуме. И лежит в коме. Мне тогда тоже досталось. Но мне по ноге прилетело, а ему по кумполу. Я нашел ему врача потолковее, но сам знаешь... Так что пока я отсюда не хожок.

— Понятно. — Арманн откинулся на спинку и повернул голову к стене. — Меня в тот день отправили на тушение пожаров в северных кварталах, а ответственным назначили этого... как его... Он еще потом доложил, что серьезно пострадавших не было.

— Угу, всего лишь лужи крови по всей площади, стрельба, разбитые головы. Доблестная победа Соколов Нортэмперии над...

— Приказы о месте и времени профилактики приходят сверху, — перебил Арманн. — Причем с такого верху, что его к ночи лучше не поминать вовсе. Я тут повлиять на что-то бессилён.

— Это я уже понял, полковник. Спасибо, что спасаешь мою шкуру.

— Да. И еще. Под профилактику железно попадают те, кто и в самом деле в чем-то был виноват, — добавил Арманн. — Кто что-то натворил или не сделал вовремя, по мелочи или по-крупному. В ста случаях из ста. Так что вы там оба оказались тоже, видать, неслучайно. Ну, с тобой все понятно, буклегер. Про приятеля твоего я ничего не знаю, но он, видно, тоже где-то набедокурил.

— А кстати... Я понимаю, это наглость с моей стороны, но — можешь посмотреть, есть ли на него что-нибудь?

Арманн взял в руки планшет.

— Как зовут?

— Антон М., работает в техотделе Kordo Konduktria.

— Так, смотрим, — сказал Арманн. — Да, вижу его. Тридцать три года, холост, из семьи только сестра. У-у, близняшка даже... «Потенциально неблагонадежен», — мама, мне уже страшно... Так... Комнрав подозревает, что он якшался с экзилитами... Мало того, он чуть ли ни основатель движения...

— Вот так номер... — пробормотал Виктор.

— Ладно, проехали с этим. В принципе, кроме этого только административная мелочь, уголовного ничего... Так... или стоп, а это что такое? Хм. Фигурант по какому-то уголовному делу, очень давнему.

— Насколько давнему? — спросил Виктор.

— М-м... Пятнадцать лет назад. Дело в архивах, и доступа через сеть к нему нет, oddly. Я смотрю, тут еще и индекс «Х», то есть дело замяли по-тихому. Очень любопытно.

— Можно попросить тебя поднять дело? Это может быть очень важно.

Арманн молча уставился на собеседника.

— Небезвозмездно, конечно, — сказал Виктор.

— Небезвозмездно, говоришь? Ты на себя посмотри, бомж ароматный! Тебе идти-то есть куда?

— Есть, есть. И деньги у меня пока тоже водятся.

— Хм. Ладно. Мне уже и самому интересно стало. Я сообщу, если что-то выясню. Ничего не обещаю, естественно. Кофе допил?

— Да, спасибо, дружище. И за кофе, и за все остальное. И за то, что не бросил в беде...

— Ладно-ладно, — усмехнувшись, прервал его Арманн. — Пожалуйста. Кстати, вот тебе, — он вытащил из ящика стола комплект нашивок работников корпорации Mithrez Manufaktur и выложил их перед Виктором. — Забирай. Увижу без них, самолично по морде надаю, как на первом курсе.

Виктор взял со стола нашивки и спрятал их в карман. Придется их пришить.

— Штюрм! — скомандовал Арманн, нажав кнопку на интерком. — Из моего кабинета выходит бывший задержанный. Он свободен, верните ему его личные вещи и проводите до КПП. Трость отдать не забудьте.

— Есть! — хрипнул интерком.

— Будь здоров, — поднимаясь, сказал Арманн.

— Береги себя, — ответил Виктор, и, пожав протянутую широкую длань, уковылял из кабинета.

Арманн уселся обратно в кресло. С этим все. Сегодня предстоит, правда, начать разбираться с еще одной проблемой...

11 мая, 07:16. Дом милосердия им. Св. Антония

— Доброе утро... Не пускают еще? — спросила Наталия, приблизившись.

— Да, рановато еще, — светским тоном ответил Виктор. — Лучше подождать минут десять. Тогда есть шанс остаться необлаянными.

— Понимаю, — ответила Наталия.

Они стояли у входа в больницу им Св. Антония, куда, как Виктор выяснил еще до своего ареста, отвезли Антона после «профилактики». Вернувшись домой, Виктор созвонился с его лечащим врачом и договорился о визите.

— Признаться, я немного удивился, увидев вас здесь, — подал голос Виктор. — Мне отчего-то казалось, что вы, мягко говоря, недолюбливаете своего брата.

— «Недолюбливаете»... — усмехнулась Наталия. — Надо же, как точно. Недолюбливаю... Да, вы правы. И все-таки я должна была прийти сюда...

— Простите. Я понимаю, что не в свое дело лезу, но все-таки я хотел бы понять, что могло вбить такой клин между моим старым приятелем и его сестрой, перед чьими талантами...

— Хватит! — резко перебила его Наталия.

— Хорошо, — нейтральным тоном ответил Виктор. — Compliments вы почитаете за лесть, ваше право. Мое право заявить, что я просто говорю то, что думаю.

Снова повисла пауза.

— Простите, — выдавила из себя Наталия. — Мне просто не по себе.

— Мне тоже, — тихо пробормотал Виктор, глядя на часы.

Последовали еще несколько секунд молчания.

— Если вы хотите знать — хорошо, я расскажу, — вдруг заговорила Наталия. — Простите, если что-то будет невпопад и не по делу. Мне... Мне надо выговориться.

Она отвернулась. Виктор видел лишь ее профиль, высвеченный далеким фонарем. Несколько секунд Наталия молчала, потом начала говорить, поначалу тихо и отрешенно.

— В последнее время мне снова стал навязчиво сниться наш старый дом, где мы с братом провели все детство. Он тогда казался таким огромным. Хотя это всего лишь небольшой двухэтажный особняк.

Наша семья, как нам говорили, происходила от какого-то старинного, чуть ли ни аристократического рода... Седьмая вода на киселе. Но для бабушки, матриарха клана, это было очень важно. Весь дом был заставлен книжными полками, по стенам — живопись, на втором этаже — галерея парадных портретов, по углам — статуи и статуэтки всех размеров... Вслед за бабкой отец и мать с упоением играли в ту же игру — светские рауты, приемы, театры... Бабушка была в свое время именитым драматургом — Белла М., вы наверняка ведь слышали.

— Да, конечно.

— В общем, родня была очень занята светской жизнью. А мы... Родителям, в общем-то, было не до нас. Мне всегда казалось, что их смущал сам факт нашего рождения. Им самим тогда едва-едва исполнилось по двадцать лет.

Чтобы занять нас чем-то, пока родни не было дома, нас научили читать. Нам было года три-четыре, и, быть может, это прозвучит глупо, но как раз книги нам стали «первыми друзьями». Роднее, чем люди вокруг, если угодно. К тому же мы только из книг и узнавали,

какие на свете бывают люди — до школы нас практически не выпускали из дома, разве только один раз вывезли на море.

— То есть вы сидели взаперти?

— Практически да. У особняка был маленький сад с высокой каменной стеной, в нем мы и играли. «Дышали воздухом».

— Но почему?

— Родня боялась за нашу безопасность. Особенно за брата. Не знаю, почему, но, похоже, не совсем безосновательно. Точные причины мне неизвестны.

— Ужасно.

— Мы не понимали, что может быть иначе. Хотя... Однажды мы с братом начали играть в странную игру — я даже толком не помню, когда это началось, сколько нам было? Пять лет? Шесть... Мы начали придумывать свой собственный мир, в котором не было ни стен, ни бесконечных запретов... «Простор, и свет, и ветер». Я до сих пор помню, как брат ни с того ни с сего вдруг сказал, что вся жизнь — это сон, а явь — это только то, во что мы верим. Кажется, он тогда только что прочитал пьесу Кальдерона.

Детьми мы, в общем-то, перестали быть очень рано. Родня мечтала как можно скорей втянуть нас в собственные игры. Так что мы с первых школьных лет слушали ежедневные наставления, как себя надлежит вести «наследным принцам и принцессам». Но зато мы ни в чем никогда не нуждались, да и образование получили... Лучшее, чем сейчас имеет смысл.

Лет в пятнадцать мы то и дело строили планы, как покинем отчий дом и уедем куда-нибудь, где наша жизнь станет действительно только нашей. И по-прежнему продолжали нашу игру по ночам, даже когда нас расселили по отдельным комнатам в противоположных крыльях дома. У нас был свой мир, мир бурь и ураганов... Плохой из меня рассказчик, простите. Это брат умел рассказывать так, что казалось, будто все происходило по-настоящему, что стены исчезали, — в буквальном смысле... Я помню, такое случалось несколько раз.

Его литературный дар оценила даже бабушка, хотя она, казалось, жить не могла без того, чтобы не критиковать вразнос все на свете.

Буквально за пару месяцев до нашего совершеннолетия одно крупное издательство выпустило написанный братом роман. Тогда, помнится, даже случился скандал: все считали, что это мистификация и что на самом деле книгу написала бабушка. Говорили, что семнадцатилетний мальчишка без высшего образования и жизненного опыта в принципе не мог бы написать ничего подобного, что автором может быть только человек, немало проживший и хлебнувший лиха полной мерой, ну и так далее. Знаете, как это бывает.

Виктор кивнул.

— Но автором и вправду был брат. Бабушка, конечно, ему кое-что подсказывала, кое-что исправляла, но в целом — это был его труд и его триумф, — продолжила Наталия. — И немножечко мой: я была у него первым редактором... И вправляла ему мозги всякий раз,

когда он начинал скрипеть, что ничего не выходит. А потом нам исполнилось восемнадцать. И все закончилось.

Наталия отвернулась, глубоко вздохнула, медленно выдохнула.

— Это был какой-то унылый званый ужин, на который притащили весь клан.

Хрусталь, манеры, чванство и лесть вперемешку. Брат сидит напротив меня через стол, и я вижу, что на нем буквально лица нет. И непонятно, что происходит. Вдруг бабушке подают телефон, и она тоже меняется в лице. Просит хозяев извинить, — и мы стремглав бросаемся домой.

Когда мы добрались до места, весь особняк полыхал. Брат что-то мастерил перед уходом, он как раз вдруг увлекся какой-то электроникой... В общем, он забыл выключить приборы. Паяльник или что-то еще.

— Пять часов... — Наталия замолчала, почувствовав, что голос опять предательски дрогнул. — Пять часов мы смотрели, как сгорает наш дом. Как сгорает наша жизнь. Пожарные старались как могли, но пламя было не унять, как будто огонь твердо решил не оставить камня на камне. К рассвету остались лишь дымящиеся развалины.

Наталия прислонилась к стене. Закрыла глаза.

— Лишившись связи с прошлым, бабушка потеряла интерес к жизни. Не прошло и двух месяцев, как ее не стало. А еще через три года наши родители погибли в уличной перестрелке... сейчас уже кажется, что это произошло почти одновременно. А брат... Он даже не пытался отрицать своей вины. Наоборот, — произнесла Наталия сквозь зубы, — принял позу самозваного мученика...

После похорон бабушки он уехал в другой город... Бросил меня... нас всех... Пошел учиться на программиста, хотя вот уж к этому у него никаких способностей не было никогда. Приехал обратно уже только на похороны родителей. Издали кивнул мне и исчез.

Потом мы столкнулись еще через несколько лет. При встрече он только и знал, что *вещать* о Провидении, привидениях и всей этой белиберде, которую я терпеть не могу. От того человека, кем он когда-то был, остался... не знаю... отсыревший пепел...

Когда она замолчала, Виктор понял вдруг, что вокруг стихло все. Казалось, исчез даже уличный гул, как будто все вокруг накрыло звуконепроницаемым куполом...

— А... вы? — Голос прозвучал глухо, как не свой.

— А что я? — ответила Наталия. — У нас по женской линии передается стальной хребет. И сердце с кнопкой «выключить». Я и *выключила*. И заставила себя жить... Хоть как-то. Мне потом и самой щедро досталось...

Ее исповедь прервал звук ключа, повернувшегося в замке входной двери. Больница открылась для ранних посетителей, имевших возможность навестить родственников только перед началом рабочего дня.

— Зайдем? — спросила Наталия.

— Да, пожалуй, — ответил Виктор.

Наталья вошла первой. Виктор с порога обернулся, прислушался. Гул города был на месте. Виктор успокоенно кивнул и закрыл за собой дверь.

11 мая, 07:36. Территория Kordo Konduktria

Дормина отозвали из командировки и сразу же дали отгул. Неожиданно. Да ну и что? Если пацану дали поспать, почему бы нет. Впрочем, он все равно проснулся в полшестого утра. Привычка. Сжевал разогретый полуфабрикат, вколол себе дозу лекарства... После этого надо посидеть спокойно, а то *башня* кружится.

А еще надо как-то посчитаться с ведьмой. А то совсем берега потеряла, посмела наехать на пацана, она ему что, ровня? Да хоть двести раз она старшая по званию, баба должна знать свое место!

Дормин шарахает кулаком по топчану.

Ну, ладно, ладно. Первый акт ей уже обеспечен. Что, этот, со шваброй на башке, просто так руки высвободил? Ключ от браслетов-то у нее был. Дала возможность скрыться. А, следовательно, что? Неформальные связи с криминалитетом, препятствование исполнению своих обязанностей сотрудникам Службы общего контроля. Так Дормин и написал в своем рапорте, отправленном в Стабиком. Ха, теперь кое-кому поджарят хвост.

Хотя так-то оно, конечно, никакого удовольствия. Ее бы саму за волосы, да и...

Дормин почувствовал, что ему срочно надо поправить здоровье — лекарство лекарством, а его одного мало. Раз отгул, значит, форму можно и не отглаживать, так наденем. Волыну еще вчера смазал. Ну, все, вперед, на охоту.

...Самой натопанной делянкой у него были задворки комплекса, принадлежавшего Kordo Konduktria. Тут множество переулков и тупиков, много ниш и прочих архитектурных вывертов, в которых хорошо прятаться и прятать. И при этом не так много работающих камер. Это ведь как раз ведьмина территория? Ну, вот и подпортим ей жизнь в очередной раз.

Именно здесь пробегают, пытаясь сократить себе путь, работники, опаздывающие на построение. Их не так много — за опоздания сурово наказывают. Ну, вон та тщедушная торопыжка сегодня явно опоздает. А раз опоздает, значит, накажут. А раз все равно накажут, то какая разница, как и когда — до или после.

Ах, ты еще и брыкаться? Попытки сопротивления вызывали у Дормина бешенство. Впрочем, нет, сначала он получит то, что хочет, а потом уже размозжит ее головку об...

— Пусти!!! — Мелкая, а скользкая...

— Ага, щаз-з! А ну заткнись! — рявкнул Дормин и наотмашь ударил свою добычу по лицу. Тут главное шею сгоряча не сломать.

— На помощь! Помогите! Насильник!!!

— Да ладно ломаться-то, все вы, бабы, одинаковые, вам только и надо, чтобы вас кто-нибудь вы... — пыхтел Дормин, пытаясь избавить свою жертву от лишней одежды.

Вдруг рядом раздался знакомый голос.

— Командир!

Держа добычу за вывернутую руку, Дормин повернулся и увидел одного из своих подручных-поделщиков, стоящего в пяти шагах от него.

— А ты тут что делаешь? Увольнение до завтра!

— Командир, слушай, отпусти ее, а?

— Э-э, нет, — скрипуче рассмеялся Дормин. — Это моя добыча! Да не переживай, ты ж знаешь, я поделюсь. Что ж, не поделюсь разве?

Добыча попыталась снова дернуться. Дуреха. Сейчас опять получит. Дормин уже занес руку, как вдруг услышал звук передернутого затвора и слова своего подручного:

— Командир, прости.

— Э! Ты че?!

Дуло пистолета-автомата смотрело прямо на него. С такого расстояния не промажет.

— Дормин! — рявкнул другой знакомый голос.

Обернувшись, сержант увидел полковника Службы в сопровождении двух автоматчиков. Лица всех троих были закрыты противогазовыми масками. Отшвырнув жертву, Дормин вытянулся по струнке.

— Сержант Дормин, сдайте оружие, — раздался приглушенный голос из-под маски.

— Господин полковник, она...

— Сдай оружие, с-скотина! — заревел полковник.

Его сопровождающие одновременно вскинули автоматы.

Дормин нехотя снял пояс с кобурой и бросил его под ноги полковнику.

— Подними, — приказал офицер бывшему подручному Дормина.

Тот с опаской прошел мимо сержанта, прошептавшего какую-то угрозу, поднял его кобуру и отошел на безопасное расстояние.

Полковник подошел вплотную к Дормину. Блестя стеклами противогаза, он несколько секунд смотрел на съездившегося толстяка.

— Из-за таких как ты... — не договорив, он со всей силы врезал сержанту в челюсть, так, что под костяшками хрустнуло.

Дормин пошатнулся.

— Руки! — рявкнул полковник. Надев на запястья протянутых рук стальные браслеты, офицер скомандовал автоматчикам: — В машину его.

Дормина увели. Полковник повернулся к его бывшему подручному и молча протянул руку. Получив кобуру, он козырнул:

— Благодарю за отличную службу! Рапорт об увольнении мне на стол до трех дня. А теперь пшел вон отсюда.

Патрульный мигом исчез в тумане. Оставалась лишь одна свидетельница сцены.

— Имя, фамилия, место работы! — пролаял полковник, нависнув над несостоявшейся жертвой Дормина.

— Ирма Лин, Kordo Konduktria, отдел логистики, — сквозь слезы ответила девушка.

— Почему без сопровождения?!

— Я...

— Значит так, милочка, — немного понизив голос, произнес полковник. — Здесь ничего не было, понятно? На тебя напали в Пустоши, а не здесь. Вот тебе медицинский талон, в двух кварталах отсюда травмпункт, там примут без очереди. Справку тоже выпишут. Отправляйся и не смей языком чесать, иначе... Ты поняла, да? — Ирма торопливо закивала.

— Все, брысь, — сказал полковник.

Когда девушка скрылась, Армани снял маску, чтобы отереть пот со лба. Окинув сердитым взглядом место происшествия, он снова надел противогаз и отправился к машине.

11 мая, 7:39. Дом милосердия им. Св. Антония

Déjà vu: снова вход в больницу и снова орущая кастелянша. Виктор уже чувствовал, что еще немного и нарушит зарок, данный еще в детстве: не поднимать руку на женский пол. Но появляется врач и сам выгоняет дежурную взащей.

— Доброе утро. Извините, некоторые работники совсем не умеют себя вести. — Виктор и врач обменялись рукопожатиями. — Ладно, давайте сразу к делу... Сегодня утром пациент пришел в себя... Некоторым образом.

— То есть? — спросил Виктор.

— Активность головного мозга вчера более-менее нормализовалась. Сегодня рано утром пациент открыл глаза. Но при всем при этом он не реагирует на окружающую действительность.

— Черт... — выдохнула Наталия.

— Предварительный диагноз — кататонический ступор. Возможно, вкупе с онейроидным синдромом, но это только предположение. Причину точно сказать, увы, не могу. Как бы там ни было, руководство, к сожалению, настаивает на его немедленной выписке.

— Но...

— Да понимаю я все. Но единственное, что я тут могу сделать, так это помочь с переводом его в психиатрическую клинику... А вообще, знаете, лучше заберите-ка его домой. В таких случаях домашняя обстановка более благоприятна. Минимальное оборудование выделим. Сейчас зайдём ко мне, я дам контакты одной своей бывшей практикантки, она поработает сиделкой. Тем более, что ей из-за пожаров как раз жить стало негде.

— Хорошо, — нерешительно ответила Наталия. — Извините, что спрашиваю, но...
Насколько вероятно, что он придет в себя?.. Окончательно, я имею в виду.

— Ох... — Врач почесал затылок. — Все в руке божьей.

— Я пойду попробую договориться о транспорте, — сказал Виктор.

— Спасибо, — кивнула Наталия и снова повернулась к врачу. — Одежда, в которой его привезли сюда, уцелела?

— Да, ее даже отстирали, — ответил доктор.

— Благодарю. Со страховыми выплатами никаких проблем не было?

— Да нет вроде... Пойдемте, закроем вопрос с бумагами. Вы бренди пьете?

11 мая, 20:03. Мост через реку Арлун

Сплошные тучи погрузили злосчастный город в густые сумерки задолго до срока. Угасающий день выдался ветреным. Мгла подрассеялась, и стоявшая на мосту Сесиль Бержер ясно видела колыхавшийся вдали столп огня — и черный дым над ним.

В школьные, а потом и в студенческие годы Сесиль дважды в день пересекала этот мост в противоположных направлениях. В зимнюю пору она часто видела, как встает солнце, а вечером по дороге домой останавливалась, чтобы посмотреть на закат. Но теперь над Метрополисом почти не бывает ясного неба. И восходы и закаты — лишь еще одно неотвязное воспоминание из числа тех, без которых, возможно, было бы куда проще... нести службу.

— Эй, уважаемая! — раздался сзади чей-то голос.

Сесиль сделала вид, что не слышит, но внутренне вся подобралась...

— Уважаемая, ушки давно не чистили? К вам обращаемся! — раздался второй голос.

— Слышь, ты, документы давай! — заорал первый.

Бержер резко, по-военному, обернулась к двум соплякам с автоматами. Плащ распахнулся. Салаги «соколы», завидев форму Стабикома, вытянулись по струнке и застыли будто мыши в столбняке.

Сесиль с хищным видом обошла их обоих, с удовлетворением отметив, что оба дрожат.

— Ко мне, значит, обращаетесь? И что же вам... как это говорилось раньше... *угодно?* Да, что вам от меня *угодно?* — спросила она.

— Госп-пожа к-капитан, п-простите... В-виноваты... — срывающимся, булькающим голосом пробормотал первый патрульный, шлепогубый рыжий сопляк, у которого одна скула располагалась заметно выше другой.

— Ну, а что же мне скажет твой друг? — спросила Бержер.

— Я... госпожа капитан, я... — заблеял второй, чернявый крепыш со сломанным носом.

— Ничего не скажет. Понятно. Что ж это ты? Как хамить, так виртуоз, а тут вдруг и двух слов связать не можешь, а? — спросила Сесиль, взглядом выжигая на мозгах молодчика свое именное клеймо.

— Госпожа капитан, приносим извинения за беспокойство! Признаем свою неправоту! — затараторил тот.

— Так точно, признаем неправоту! — пробормотал первый патрульный.

— А была бы я без формы, черта с два вы бы чего-то признали, правда? — констатировала Бержер, возвращаясь к перилам моста. Заставить бы этих щенков спрыгнуть вниз.

— Что там горит? — отвернувшись, спросила Бержер.

— Заброшенный склад. Пожаром уже занимаются, госпожа капитан! — ответил второй автоматчик.

— Понятно. Проваливайте.

Патрульные испарились.

...На этом мосту Сесиль познакомилась с единственным мужчиной, к которому она испытывала что-либо, кроме брезгливости... Да полно врать самой себе, он ей нравился, нравился по-настоящему... Уезжая доучиваться за границу, он звал ее с собой, уверял, что сможет решить все сложности. В последний раз они встретились пятнадцать лет назад, таким же угрюмым весенним вечером, как сегодня, на этом же самом мосту. Он спросил, что она решила. Не поворачивая головы, Сесиль слово в слово воспроизвела своему другу все то, что ее мать с момента возвращения из Канады повторяла ей почти ежедневно — проповеди про безнравственную за границу и губительные соблазны.

Затем Сесиль бросила ему «прощай» и пошла прочь, не оборачиваясь.

Он вдруг догнал ее, повернул к себе, поцеловал и, сжав в объятьях на несколько мгновений, прошептал на прощание: «Твоя жизнь принадлежит только тебе...» Или что-то вроде этого. Она уже не помнила точную фразу.

Потом он слал ей из-за рубежа письма, на которые она не отвечала.

Но снова и снова она приходила на этот мост.

— Добрый вечер, — раздался знакомый голос.

Сесиль, вздрогнув от неожиданности, схватилась за кромки плаща на груди и нарочито медленно повернулась. Рядом с ней, облокотившись на перила, стоял тот самый ее друг... Нет, стоп, это не он. Это тот... Виктор, да. Внезапно Сесиль поняла, что они очень сильно похожи внешне.

— Вы?... Здравствуйте, — постаравшись изобразить равнодушие, отозвалась Сесиль, и снова повернулась к пожару.

— Не знаете, что там горит?

— Говорят, остатки какого-то склада, — передернула плечами Бержер.

— Говорят? — спросил Виктор, кинув короткий взгляд на ее высокие форменные ботинки.

— Говорят, — отрешенно отозвалась Бержер.

Повисло молчание. Виктор, слегка наклонившись, оперся на перила, Сесиль застегнула плащ и выпрямилась.

— С этого моста, помнится, виднелись чудные закаты, особенно летом. Я тут в молодые годы нередко простаивал до темноты. А вы? Вы помните то время? — спросил Виктор.

— Какой смысл его помнить? — ответила Бержер.

— Смысл? Смысл... Да нет, я всего лишь спрашиваю, помните ли вы Метрополис до того, как его заволокло дымом?

«Знает или нет? — думала Бержер. — Виделся ли он с хозяином той злосчастной квартиры?»

— Да. Я помню, — сухо ответила она после непродолжительной паузы. — Хотя опять-таки, какой смысл помнить о прошлом? Прошлое — это то, что прошло. Чего нет.

Виктор вздохнул.

— Возможно, вы правы. В отношении меня, так точно. — он невесело усмехнулся. — Помните то место, куда я вас привел, когда...

— Да.

— Вчера кто-то сжег его дотла. Еще одного мостика в прошлую жизнь не стало.

«Не знает... Или?»

— Никогда не понимала, что значит «прошлая жизнь». У нас только одна жизнь. Как бы она ни менялась, другой нет и не будет.

— Я не это имел в виду, — ответил Виктор и, помолчав, произнес. — Еще недавно в это время года город уже утопал в солнце и зелени. И я не могу понять, что произошло с городом? И что произошло с нами? Почему мы принимаем это, — он кивнул в сторону столпа пламени вдали, — как нечто нормальное?.. Как должное?

Бержер не хотела отвечать, но вдруг услышала собственный голос:

— Если все сложилось так, как сложилось, значит иного не дано. Значит, это лучшее, что с нами могло случиться. И мы должны принимать с благодарностью все эти испытания. И надеяться, что они не станут более непосильными.

— А вы правы, — после недолгой паузы ответил Виктор. — Я учился на историка, и преподаватели нам много раз говорили, что у истории нет сослагательного наклонения. Говорили и о том, что и человеку, и всему человечеству не на чем учиться, кроме своего прошлого опыта. Но чем дальше, тем больше я понимаю, что на деле никто ни на чем никогда не учится. Я думал, что ключи к будущему можно найти в прошлом. Но раз прошлое — то, что прошло и больше не существует, то и ключей никаких нет. И будущего — его тоже нет...

Сесиль молчала.

— Может быть, действительно проще ничего не помнить, а? Существовать одним днем. Следовать одним и тем же алгоритмам, испытывая ужас от мысли, что от них можно отступить... Ничего не ждать. Ничего не желать. Забыть, кем мы когда-либо были и кем хотели быть... Одна беда: сколько бы нам ни твердили, что иного не дано, когда-то давным-давно мы были детьми. И, как ни крути, что-то от *тех* вчерашних или даже позавчерашних детей остается в нас и поныне. И сколько ни выдавливай их из себя, они по-прежнему спрашивают: «Но почему?»

Пламя далекого пожара вдруг вспыхнуло с утроенной силой; в небо взметнулось огромное огненное облако, и спустя несколько мгновений долетел звук взрыва. Он вывел Сесиль из оцепенения.

— Мне пора, — решительно произнесла она.

— Понимаю, — отозвался Виктор. — Увидимся ли мы еще?

— Нет. Прощайте, — сухим тоном ответила Бержер и торопливо пошла прочь.

Когда она скрылась из виду, Виктор, горько усмехнувшись, пробормотал:

— К моим годам уже можно было бы и привыкнуть...

Бержер шла как могла быстро. Но с каждым шагом расстояние от того места, где они стояли, до припаркованной у съезда с моста машины казалось ей все более неодолимым. Она почти что побежала.

...Капитану Стабикома Сесиль Бержер следовало арестовать давно разыскиваемого буклегера. Но она этого не сделала. За последнюю неделю он много и глупо наследил; что ж, за то, что он спас ей тогда жизнь, она прибралась за ним. Следователям будет не за что зацепиться. Больше она ему ничего не должна. И он не должен — не должен попадаться ей на глаза!

В кармане Виктора завибрировал телефон. Вызывающий номер не определялся.

— Да.

— *Виктор?* — раздался в трубке голос Арманна. — *Рядом никого нет?*

— Нет, никого, говори... — ответил Виктор.

И Арманн заговорил. От услышанного у Виктора полезли на лоб глаза.

— ...Что?! Постой-постой... Так это, получается, был тот самый *нулевой* пожар?... Мать родная!.. Да, конечно. Постараюсь быть через сорок минут — с возмещением. Спасибо!

Только боль в ноге помешала Виктору броситься бегом.

11 мая, 22:29. Квартира Антона

В дверном замке заворочался ключ. Дверь раскрылась, Наталия, сгибаясь под тяжестью походного рюкзака, втащила в прихожую массивную раскладушку и резко поставила ее на пол. В дверном проеме появилась сиделка Марианна.

— Добрый вечер, — кивнула ей Наталия. — Устроит такое спальное место?

Марианна выпучила глаза.

— Ой, еще как! Сто лет на таких не дрыхла.

— Хорошо.

Наталия унесла раскладушку на кухню, Марианна вернулась к пациенту. На кухне зашумел чайник, залязгала посуда. Через некоторое время Наталия вошла в комнату с двумя кружками с чаем.

— Держи.

— Спасибо, — ответила Марианна, принимая кружку. — Порадовать ничем не могу, все по-прежнему. Днем он заснул, полтора часа назад проснулся, но...

— Поняла. Остается только ждать.

— Я там приготовила ерунду какую-то, вроде съедобно. Аппарат для внутривенного я зарядила, все работает, так что...

— Хорошо. Иди спать. Я там принесла белье и одеяло — возьми у меня в рюкзаке. До двух ночи дежурю я.

Марианна ушла. С кухни донесся лязг раскладушки, звуки застилаемого белья, потом застонали пружины.

Наталия склонилась над Антоном.

— И это все? Неужели это все? — прошептала она. — Ты так и будешь теперь лежать и бессмысленно глядеть в потолок? Где ты сейчас, на самом деле? Братец, где ты?..

Раздался короткий звонок в дверь. Господи, кто это? А, Виктор, наверное.

— Добрый вечер, извините, что так поздно заявился, — вполголоса сказал Виктор, входя. — Только что узнал, что у меня ночью еще одна встреча, так что я ненадолго.

Новости есть?

— Нет. Не реагирует ни на что.

— М-да...

— Кофе? У меня, правда, только самый дешевый растворимый.

— Самое то сейчас. Лимон найдется?

— Сейчас погляжу.

Разувшись, Виктор вошел в комнату.

— Привет... — сказал он, пристально глядя в лицо Антону.

Снова вошла Наталия, держа в руках еще одну кружку с кипятком и банки с растворимым кофе и лимонной кислотой.

— К сожалению, тут остался только экстракт.

— А вот и славно, пойдет, спасибо!

Виктор забрал у Наталии банку с кофе, зачерпнул из нее ложкой бурый порошок и положил его на язык. Точно то же самое он повторил с лимонной кислотой. Наталия даже несколько растерялась.

— *Химия...* — крикнул он. — Тем лучше. От химии сильнее *впитывает*. А мне сейчас этого и надо... Знаете, мне тут довелось кое-что выяснить. Нечто, что может касаться вас и вашего брата напрямую.

— И это нечто?.. — Наталия напряглась.

— Я сейчас покажу, — сказал Виктор, доставая из кармана за пазухой папку с бумагами. — Но сначала хотел бы попросить... Не могли бы вы еще раз рассказать о той ночи, когда возник пожар? Вы говорили, что в нем был виноват ваш брат. Простите, я понимаю, что вам тяжело вспоминать, но все-таки. Это важно.

— Бабушка в тот вечер повела весь клан на какой-то светский раут. Подобные выходы для нас были всегда суматохой и бедламом, все бегает, собираются, шумят... Ну, а брат... Он тогда все время возился с чем-то электрическим или электронным. Я не помню, что именно он там делал, помню, что оторвать его от его занятий удалось уже только перед самым выходом. Ну, а потом — он еще в гостях начал дергаться... И на обратной дороге признался, что забыл что-то выключить. Паяльник, кажется.

— А где начался пожар?

— Ну, в его комнате, видимо! А что?

— Гм. Просто вот здесь, — Виктор открыл папку на нужной странице и передал Наталии, — говорится нечто совсем другое. Прочтите.

— Что это?

— Это уголовное дело. Уголовное дело по факту пожара. Того самого. Дело, которое, почему-то не стали передавать в суд, но и не закрыли. Просто убрали в долгий ящик.

Наталия взяла папку, села на стул около кровати и начала читать. На ее лице читалось растущее напряжение. Она вдруг резко перелистнула страницу туда-сюда, перечитала еще раз, а затем медленно подняла глаза.

— Сна... сна... снаружи? — еле выдавила она из себя.

— Понимаете, да? — тихо ответил Виктор.

— Снаружи?! — почти выкрикнула Наталия.

— Около вашего дома никогда газом не воняло?

— Да. — Наталия обессиленно опустилась на колени на пол. — Пахло.

— Так я и думал. А в деле про это не говорится: судя по номерам, странички не хватает. *Вывалилась*, наверное, — со злой издевкой произнес Виктор. — Но я все думал, думал, что там могло «проходить около дома». А проходил там газопровод, старый и порядком изношенный. И в ту ночь его, видимо, прорвало. Кто-то мог проходить мимо

вашего особняка, бросить через забор окурки — и улететь вместе с этим забором через полквартала. В любом случае, взрыв, за которым последовал пожар, случился снаружи. А не внутри.

Взгляд Наталии сделался пустым и отсутствующим, почти как у ее брата. Виктор смотрел на нее и понимал, что у него у самого в горле образуется ком.

Говорят, время лечит любые раны. Но иногда, пусть и очень редко, на месте рубцов образуются опухоли. И тогда время из врача превращается в убийцу. Сейчас Виктор видел перед собой двоих людей, больных саркомой судьбы. Можно ли их еще вылечить? Спасительный скальпель был сейчас в руках у самой Наталии.

— Дело замаяли, видимо, потому, что влиятельному оператору этого газопровода очень не хотелось выплачивать штрафы и страховку вашей семье. Тем более что ваш брат по сути сам взвалил всю вину на себя. Еще хуже то, что все пожары, пожирающие этот город уже пятнадцать лет, начались именно с той ночи. Возможно, вы не знаете, но город значительной своей частью стоит на высушенных болотах. В почве содержится огромное количество торфа, который может тлеть десятилетиями. Похоже, ваш брат это знал. И считал, что и сгоревший дом, и все последующие пожары, убивающие город, — на его совести. Пятнадцать лет он живет с этим, и — я даже не хочу пытаться представлять, каково ему.

Надеюсь, что он нас слышит. И все понимает. И вы тоже понимаете.

Виктор подошел к Наталии, слегка тронул ее за тонкое плечо, боясь, что от более чувствительного прикосновения она может рассыпаться.

— Мне надо идти. У меня еще одна непростая встреча сегодня. Пожелайте мне удачи.

Наталия только кивнула.

Когда звук шагов Виктора затих окончательно, вокруг Наталии повисла звенящая тишина. Едва слышный гул улиц пробивался сквозь оконные рамы, в кухне едва различимо вздыхал холодильник, но громче всех был звон в ушах. Наталии показалось, что все вокруг вдруг стало тусклым и бесцветным, будто пеплом подернутым...

Она слышала слабое дыхание Антона, и только оно свидетельствовало, что он еще жив. Возможно, сейчас он даже живее, чем она.

Пятнадцать лет вражды и презренья. Почему она только сейчас узнала правду? Почему так легко приняла на веру ложь? Почему так легко записала его в недруги и сочла его бегство предательством? Пятнадцать лет — как застывший, выцветший сон: пусть время не повернуть назад, но и вперед оно не движется, а будто бы только бежит по кругу, покуда все вокруг увядает, рассыпается и горит...

Наталия много лет училась относиться ко всему безразлично, надеясь, что кошмары однажды оставят ее. Тщетно. Закрывая глаза по ночам, она до сих пор видела, как беспощадное пламя пожирает их дом. Как копошатся на пепелище люди в брезентовых

комбинезонах. Как под дождем недвижно стоит черная толпа с зонтами, и как струи дождя сбивают с крышки белого гроба цветы.

И если она так и не сумела пережить это внутри себя, то, подумала она, каково ее брату, уверенному, что это он во всем виноват?

«Ты мой брат... Я твоя сестра... Больше у нас никого не осталось на свете, — чуть слышно прошептала Наталия. — Что, что мне сделать, чтобы ты вернулся? Чтобы ты простил меня — и перестал ненавидеть себя? Антон... Не оставляй меня...»

Марианна проснулась от страшного звука, долетевшего на кухню через стену, — и не стон, и не крик, и не вой, а как будто все сразу. Она вскочила и бросилась в комнату — и там увидела, как сидящая на коленях Наталия судорожно хватается за голову, будто от непереносимой боли. Наталия рыдала. Рыдала так, будто накопившиеся за эти полтора десятилетия слезы вот-вот грозили разорвать ее изнутри в клочья.

Марианна бросилась к пациенту. Жив. Это главное. Так, теперь срочно — воды его сестре. Пей, пей. Больно, да, знаю, больно. Плачь. Плачь, дай боли выход. Пей еще... Он жив, он придет в себя. Пей. Сейчас еще принесу...

Сбоку раздался стон. Марианна резко обернулась. Пациент на кровати выгнулся и упал обратно, тяжело дыша, моргая и пытаясь озираться по сторонам. Наталия, которая только что с трудом совладала со слезами, повернула голову и медленно-медленно начала вставать с пола. Антон с диким трудом оперся на локти и чуть приподнялся. Марианна прижала стакан к его губам.

12 мая, 2:57. Пустошь

Ночь выдалась душной и ненормально холодной. Крупных пожаров в сводках не было, даже в Пустоши, однако складывалось ощущение, будто сама земля дымится. Сушная мистика.

Пробираясь с затемненным фонарем по завалам, Виктор чувствовал, как с каждым шагом растет нервное напряжение.

Прометей, неформальный координатор буклегеров Метрополиса, возжелал лицезреть Виктора лично. И попросил захватить «Aster Coelestis» с собой.

...Пол был завален мусором и обломками бетона, ошестинившимся кусками ржавой арматуры. Там и сям валялись в обнимку с грязью куски поролона и монтажной пены, звонко и сочно хрустело и позвякивало под ногами битое стекло.

Виктор вздрогнул, услышав, как где-то щелкнула зажигалка.

— Прометей? — спросил он.

— Я здесь, — ответил с противоположного конца зала старческий голос. —

Подходите.

Виктор двинулся вперед. Через некоторое время впереди в дыму завиднелась худощавая фигура — невысокий пожилой человек, одетый в старомодное пальто, приветственно снял шляпу и слегка склонил голову. В левой руке у него тлела сигарета.

— Доброй ночи, — произнес он.

Обменялись рукопожатиями.

— Вы хотели меня видеть, — сказал Виктор.

— Да. И очень рад видеть вас живым и на свободе.

— Благодарю. Признаться, странное место вы выбрали для встречи.

— М-м? А, ну да, мы же здесь с вами не встречались до сих пор. Что ж, у меня многое связано с этим местом... Вдобавок, тут колоссальное количество всевозможных укромных мест и потайных ходов. Кстати, имейте в виду: вон за тем листом жести — лестница в подвал. Внизу за поворотом — длинный коридор, на другом его конце — лестница наверх во внутренний двор и на улицу. В коридоре несколько боковых дверей — все, какие открыты, закрываются изнутри на засов. Некоторые помечены — это значит, что там сквозной проход и можно выбраться наружу.

— Понял, спасибо.

— Но к делу. Для начала хочу сообщить, что на ближайшие три недели, возможно, даже на месяц я все свои операции сворачиваю, что и вам, и всем остальным рекомендую сделать. Еще до вашего ареста мне кто-то очень крепко сел на хвост, и я до сих пор не смог выяснить, кто именно.

— Понятно, — мрачно ответил Виктор. — Надеюсь, с моими злоключениями это никак не связано.

— Не знаю, не знаю, — ответил Прометей. — Вас, кстати, насчет меня не допрашивали?

— Допрашивать — не допрашивали. Но упоминали кого-то, кому три проститутки сделали алиби...

Прометей хихикнул.

— Да, это про меня. Но раз не допрашивали, так оно и к лучшему. Так, та книга у вас собой?

— Да, конечно. Хотите забрать? — Виктор вытащил сверток из-за пазухи.

— Именно. Просто вчера я выяснил, что это фальшивка.

— Почему-то мне так и показалось, — ответил Виктор, передавая книгу в сухие руки старика. — Прежде мне доводилось слышать про эту книгу одно, в этом экземпляре я прочитал нечто совсем другое.

— Увы, так и есть. Вместо оригинала мне передали так называемое «пятое издание», в котором стараниями «секты почитателей» от оригинала осталась едва ли пятая часть: предисловие и первые страниц сто оставили как было, а дальше все вывернули наизнанку — наступление «мировой тирании» автор в жизни бы прославлять не стал... И вот, представьте,

мой связной только вчера признался, что перепутал издания. Кстати, помнится, вы говорили, вам книга нужна была для научных изысканий?

— В некотором смысле. Я пытался проверить одну теорию.

— Раз получилась эдакая свинья в мешке, то вот вам другая книга. Это очень редкое издание, с которым связана весьма *мистическая* история. — Прометей передал Виктору маленькую книгу в оранжевой бумажной обложке.

— И что это? — спросил Виктор, открывая ее и подсвечивая страницы фонарем. — М-м, стихи...

— Да. Издание малоизвестного автора; мне это имя попадалось дважды, говорят, это был юный, но очень многообещающий прозаик, но тут — сами видите, не проза. Выяснить, кто это и что с ним потом стало, я так и не сумел.

— А в чем заключается мистическая история?.. — спросил Виктор, пробегая глазами строфы...

Что-то в них зацепило его взгляд. Он начал вчитываться. Один стих, другой... Перелистнув несколько страниц, он буквально впился взглядом в очередное стихотворение. Дочитав его до конца, он раскрыл титульный лист, посмотреть имя автора. Та-а-ак...

Все это время Прометей молчал, как будто ждал чего-то.

— Когда это было издано? — спросил Виктор.

— Вот тут-то и начинается самое интересное. Издано это 14 лет назад. Там в выходных данных указан год.

— Это точно?

— Мы сейчас находимся в бывшем цехе типографии, где эту книгу напечатали. У вас в руках — ее сигнальный экземпляр, который я хранил полтора десятка лет дома. Так что можете мне поверить, это не подделка и не мистификация.

— В таком случае, это действительно... мистика.

— Несколько дней назад эта книжка снова попала мне в руки. Я перечитал ее, подивился точности описаний, а потом вспомнил, что вы плотно интересуетесь историей. Так что теперь мы в расче... — Он осекся и прислушался.

Снаружи донесся звук, от которого у Виктора слегка похолодело внутри: так звучат двигатели полицейских броневиков. Пискнули тормоза.

— Так, вы налево, я направо, — шепнул Прометей и стремглав, с совершенно нестарческой прытью, скрылся в темноте.

Виктор поднырнул под жестяной лист, указанный стариком, и рванулся по лестнице вниз.

Уже когда он спустился, сверху до него донесся грохот ботинок, затем резкий выкрик и звук автоматной очереди.

12 мая, 12:59. Процесс

— ...В свете всего вышесказанного я прошу суд переквалифицировать обвинения по всем пунктам убийств на хулиганство и причинение смерти по неосторожности, а пункты, связанные с развратными действиями, удалить, — провозгласил защитник Дормина.

— Все это прекрасно, но как быть с законом? В законе ясно сказано, что... — неуверенно заговорил обвинитель.

— Закон — это условность, — менторским тоном ответил защитник.

— Нет уж, позвольте! — вскочил обвинитель. — Служба общего контроля создана для того, чтобы защищать граждан на улицах — и от пожаров, и от преступности, а не плодить криминал!

— Служба! Общего! Контроля! Не защиты! Контроля! — рявкнул защитник. — Понимаете разницу?

— Не хуже вашего понимаю, — взревел выведенный из себя обвинитель. — Но в уставе Службы...

— Я вам про практику говорю! — заорал защитник. — Прак-ти-ку! Мало ли что там в уставе написано!

— Такое пренебрежительное отношение к закону со стороны юриста просто возмутительно! — заголосил обвинитель. — Вашесть, подсудимого взяли с поличным, так что теперь...

— Вашесть! — перебил защитник, — Я также хотел бы обратить внимание на великолепный послужной список моего подзащитного, а также на то обстоятельство, что он постоянно пребывает в состоянии тяжелейшего стресса, связанного с...

Внезапно свет в зале стал ярче.

— Уйдите все, — раздался из-под потолка громкий голос.

На мгновение повисла гробовая тишина. Все испуганно переглянулись.

— Что-что?.. А? Что?.. — послышалось в зале.

Плазменный светильник в форме эмблемы Нортэмперии на потолке сменил цвет с белого на кроваво-красный.

— Пшли вон отседова, живо! — со скучающей интонацией произнес голос с потолка.

Зал мгновенно опустел. Сидевший в клетке Дормин от страха съежился так, что, казалось, его стало вдвое меньше... Как будто какая-то невидимая рука взяла Дормина за затылок и запрокинула ему голову.

— Ну что, малыш, поговорим о твоём провале? — раздался сверху до ужаса знакомый плосковатый баритон.

Кроваво-красная эмблема загорелась ярче и, как казалось Дормину, начала приближаться к нему...

12 мая, 21:41. Квартира Антона М.

...— В общем, Прометей исчез без следа. Я нашел потом гильзы, но никаких следов крови. Остается надеяться, что старик спасся, — закончил Виктор свой рассказ о событиях накануне.

Приготовленный Наталией чай остыл ровно настолько, чтобы его можно было пить, не обжигаясь. И какой же он был вкусный...

— А что, если правы они? — вдруг тихо сказал Антон.

— О чем ты? Или о ком? — поднял глаза Виктор.

— Я о тех, кто пытался вас с Прометеем убить. О тех, кто избивал нас там на площади. О тех, кто отдавал им приказы. О тех, кто рассуждал, как необходимо в жизни страдать. Как это духовно, как возвышенно... Что если они правы? Что если эти их разглагольствования стали истиной? Что если где-то там — в каких-нибудь «горних высях», на небесах, в Абсолюте — переставлены местами чет и нечет? И теперь все, что прежде почиталось за истину, стало ложью? *Действительно* стало? И теперь быть дремучей скотиной, которая благодарно блеет в ответ на побои, это действительно правильно, истинно, свято, наконец?

— А что ты хочешь услышать в ответ? Что все не так? Я этого не скажу.

— И что же ты скажешь?

— Что мы смотрим то кино, которое заказываем.

Антон поднялся и подошел к окну.

— Так что же, хочешь сказать, что я «заказал» вот это? — показал он на забинтованную голову. — А ты «заказывал» хромоту?

— Ну, вот расхаживал я с тростью чванства ради, а теперь приходится ходить по необходимости. Блаженны напрашивающиеся, ибо они напросятся.

— Напрашивающиеся?! — Антон обозлился. — Что, по-твоему, те девочки, на которых «соколы» по ночам охотятся, тоже «напрашивались»? Нет, погоди, я знаю, что ты ответишь: нечего, дескать, по ночам в одиночку шастать, зная, что на улицах опасно...

— Да, быть может, так и скажу, — спокойным тоном ответил Виктор.

— И ведь то же самое велеречивые проповеднички заливают нам каждое утро: терпи, повинуйся, пресмыкайся, и все с тобой будет хорошо и замечательно, никто тебя не тронет. А иначе!.. И получается, что насильники, убийцы и истязатели — они же ни в чем не виноваты! Как же, ведь они просто сделали то, чего их жертвы сами «желали»! За что же их судить? Боги, до чего ж подлая премудрость, а?!

— Не ты ли сам спросил только что, а вдруг они правы? — отозвался Виктор.

Антон резко отвернулся к окну.

— Лучше задай себе еще один вопрос: а не совершал ли ты сам в своей жизни чего-то такого, что никаким раскаянием не смыть?.. Что произошло 15 лет назад, я знаю.

Антон опустил голову.

— Знаю я и то, что все сегодня происходящее ты принимаешь как должное. Ведь все до мельчайших деталей, сбылось, верно?

— Что?.. — Антон медленно повернулся.

— Это ты написал? — спросил Виктор, перегоняя по полу переданную Прометеем книжку к ногам Антона.

Тот поднял ее, раскрыл и в глубочайшем изумлении поднял глаза на Виктора.

— Откуда она у тебя?

— Да какая разница, откуда. Это — твое?

Повисла невыносимо длинная пауза. Виктор сидел, ссутулившись и сцепив руки с такой силой, что костяшки побелели. Антон, качая головой, перелистывал книгу.

— Это твое? — повторил вопрос Виктор.

— Да, — глухо ответил Антон.

— И действительно написано и издано 14-15 лет назад.

— Да.

— Ну что ж... Так вот ты какая, *поворотная точка*. Не ожидал, — пробормотал Виктор, откидываясь на спинку.

— Так откуда она у тебя?.. — снова спросил Антон.

— Важно не то, откуда она у меня, а что там внутри. Вот, позволю себе процитировать по памяти...

— Не надо! — резко перебил Антон. — Не надо...

— Как бы там ни было, то, что ты написал пятнадцать лет назад, вопреки всякому здравому смыслу, точно описывает события, которые тогда еще не произошли. И вот теперь я пытаюсь понять одну вещь: где заканчивается *прорицатель* и начинается *автор сценария*?

— Не понимаю!

— Или не хочешь понимать?

— Что ты хочешь сказать?

— Ответ ты знаешь. Произнеси его вслух сам.

— Ты что, хочешь сказать, что это все... — растерянно пробормотал Антон, — я соз... Да ну к черту, что за ересь! — воскликнул он.

Наталия подошла к подоконнику, раскрыла книгу. На ее нахмуренном лице постепенно начало проступать мрачное изумление.

— Посмотри в окно, — ответил Виктор. — Видишь, окна светятся? И за ними, и за темными тоже — такие же, как ты. Как я. Как твоя сестра. Люди. Дети вчерашнего дня. Со всей их заброшенностью и кошмарами, с вечным страхом, который уже никто не сознает, потому что мы забыли, что бывает иначе... С чувством вины — за что бы то ни было... Ты ведь знаешь, что такое «эгрегор»?

Антон угрюмо кивнул.

— А вы знаете? — спросил Виктор у Наталии.

— Нет. И что это?

— Если попроще, то эгрегор — это дух вещей. Дух времени. Дух идей. Сумма и квинтэссенция всех помыслов, чаяний, страстей и устремлений множества людей, которая обращается в сущность со своей собственной волей. И чем более свирепые страсти его порождают, тем сильнее эгрегор жаждет поработить умы и души людей — как можно большего их числа. Самые могущественные такие сущности превращаются в то, что гностики в древности называли архонтами, духами-мироправителями. Стражами судьбы. И если тебе и есть, в чем себя всерьез обвинить, так это не в том, что ты сжег родной дом. Как мы теперь знаем, ты этого и не делал. А в том, что ты породил и выкормил чудовище. Не в одиночку, конечно. В этом активно поучаствовали все те, кому в жизни возникла охота пострадать. Неважно, почему и для чего — из-за чувства вины, из-за того, что поверили, будто страдания сами по себе делают человека лучше и возвышают над остальными. Или потому, что боялись не быть несчастными, чтобы не расплачиваться потом. Неважно. Вопрос в том, что да, породили чудовище, да, вскормили. И ты, да и я тоже, чего там... И миллионы других людей. Но вот эта книга, которую ты в покаянном экстазе написал пятнадцать лет назад, — это его программа. Или, лучше сказать, операционная система. И да, согласно ей, «они» — правы.

Выражение лица Антона стало безучастным: невозможно было понять, о чем он думает, он весь как будто ушел в собственную тень, создав вокруг себя безвоздушное пространство. Но ненадолго.

— И что теперь? — спросил он почти что с деловой интонацией.

— Не знаю, — пожал плечами Виктор. — Не знаю. Но я давно понял: чтобы переписать прошлое, нужны всего лишь слова. И, может статься... Может статься, тебе достаточно будет совершить эдакое алхимическое действие — переписать хотя бы один свой стих с противоположным смыслом, чтобы изменить собственную судьбу. И, может, не только собственную.

— Н-не понимаю...

— Я тоже, — Виктор крикнул. — Не знаю, откуда я все это взял, ну, да ладно. Суть в том, что в мире взаимосвязано все. Взаимосвязано до такой степени, что от каждого из нас, от всех наших самых незначительных, казалось бы, слов и поступков и даже мыслей, зависит все, что происходит в мире. Со всеми его обитателями. И каждый несет полную меру ответственности за это. Именно что полную, а не распыленную между всеми поровну. И, следовательно, каждый имеет полную возможность изменить все. В это никто не верит, потому что... слишком непосильной кажется ноша. Но может быть, именно это и подразумевал христианский постулат о божьем образе и подобии...

Виктор сделал паузу. Он говорил спокойно, но перед глазами у него как будто искрил надорванный провод, и дрожь с рук перекинулась уже на все тело.

— Кстати, — произнес он, глядя на Антона, ссутулившегося у стены рядом с окном, — насколько я понимаю, как раз сегодня годовщина того злосчастного пожара?

Антон медленно выпрямился

— Я иду туда, — сказал он.

— Куда? — спросила Наталия.

— Домой, — ответил Антон.

— Я с тобой, — решительно ответила сестра.

— Пройдусь-ка с вами, — поднимаясь, сказал Виктор. — Кстати, я позаимствую? — добавил он, заметив обезболивающее. — А то путь неблизкий.

— Конечно, — ответил Антон, подхватывая со стола блокнот и карандаш...

12 мая, 23:59. Развалины особняка Беллы М.

Почти на всей улице царил темнота, единственный работавший фонарь освещал почему-то именно пустовавший участок, на котором едва виднелся фундамент и из него торчали поломанными зубами обломки стен. Из темноты под фонарь вступили две фигуры в плащах.

— Ну... Вот мы и дома, — произнес женский голос.

— Пятнадцать лет, — отозвался мужской.

— Пятнадцать лет... Я думала, ты уже и дорогу сюда забыл. А ты шел так, будто и с закрытыми глазами место отыщешь.

— Я здесь бывал много раз. И не забыл ничего.

Наталия обняла брата сзади за плечи.

— Быть может, это все бессмысленно и нелепо, — прошептала она. — Быть может, это все больные фантазии. Я бы ни за что ни поверила, но... Но сейчас почему-то мне кажется, что он прав.

Антон погладил ее по руке.

— Ступай домой, — сказал он. — То, что надо сделать, я сделаю.

Под фонарем появилась третья фигура.

— Я провожу, — раздался голос Виктора. — Удачи.

Шаги смолкли в темноте. Слабо гудел фонарь и откуда-то издалека вместе с порывами слабого ветра наплывал волнами гул, изредка перемежавшийся потусторонними звуками. Похожими на стон...

...Ставя последнюю точку, Антон практически проткнул страницу блокнота. Предательница-слеза капнула на нее, попала точно на слова «миражей» и «порожденных». Антон со злостью прижал блокнот к рукаву. Но какая уже разница. Он сделал то, что должен был сделать.

Налетел порыв холодного ветра, такой резкий, что Антон вздрогнул. Вокруг неожиданно стало светлее: подняв голову, он с изумлением увидел, как в просвете между дальними зданиями низко над горизонтом проступила сквозь тучи убывающая луна.

Несколько секунд он смотрел на нее, потом почувствовал, как блокнот нечаянно выскользнул между пальцев. В тот миг, когда он соприкоснулся с землей, земля дрогнула — и через несколько мгновений из центра города долетел звук взрыва.

13 мая, Noctus Igrae.^{iv} Центр города

— Внимание! В связи с чрезвычайной ситуацией в центральных районах города Служба Общего Контроля осуществляет все необходимые мероприятия. Гражданским лицам приказано оставаться на местах и категорически запрещается предпринимать какие-либо некомпетентные меры, направленные на тушение возгораний или эвакуацию, — это неслось из всех громкоговорителей на фонарных столбах и внутри зданий в центре.

— Что за дьявол! — тихо прорычал Арманн, поднося к губам рацию. — Внимание, всем подразделениям! Говорит полковник Службы общего контроля Арманн. Приказываю сосредоточиться на эвакуации гражданских, задача тушения огня — вторичная по важности! Повторяю, сосредоточьтесь на эвакуации гражданских! Конец связи!

Отряд Арманна уже минут двадцать обшаривал общежитие Mithrez Manufaktur. Здесь пожар, в отличие от других мест, начался на верхних этажах, а не внизу. В здании все еще могли находиться несколько сотен гражданских, даром, что значительная часть успела выскочить наружу.

— Отряд стой! — скомандовал Арманн, услышав шум впереди.

Кто-то пытался выбить запертую дверь, ведущую на пожарную лестницу. Кто, черт побери, ее запер?!

— Брутус, Кринн, ко мне! Эй, там за дверью, отойдите! Сейчас мы вас вытащим. Парни, вышибаем на три: раз, два...

— И-и-ийех! — рывкнули все трое, снося проклятую дверь вместе с петлями.

Из нее повалил дым, из которого, задыхаясь и кашляя, выкарабкивались люди. Среди них Арманн увидел Виктора. На его плече висела какая-то девица, и, похоже, ей было совсем худо.

— Кислород, живо! — Арманн лично надел на Наталию маску. — Белаж! Раздай всем противогазы, они в том ящике. Виктор, там еще есть кто-нибудь?

Закашлявшийся Виктор не смог ответить, только кивнул и поманил рукой за собой, явно собираясь вернуться в дым.

— Стой, придурок! Раммон, дай ему маску, Кринн — за мной!

Спустя несколько секунд они выволокли за руки потерявшего сознание человека.

— Живой? Откачивай, — сказал Кринну Арманн и переключился на рацию. — Стеллаплац, что у вас там?.. Не слышу, повторите... ЧТО-О?! Они с ума рехнулись? Так, под мою ответственность: не выполнять этот приказ! Повторяю, не выполнять этот приказ! Гражданских погубите и сами передохнете! Конец связи! Раммон, Белаж! Выводите гражданских на улицу, по дороге поторопите тех, у кого рукав. Остальные — со мной!

— В чем дело? — спросил Виктор, почуяв недоброе.

— Кто-то приказал не выпускать людей из зданий. И вообще из центра города, — ответил Арманн. — Тебя-то сюда как занесло?

— Взрывом, — ответил Виктор. — Шли домой, хотели срезать.

— Понятно, — ответил Арманн. — Так, ну, где рукав, мать его?

В противоположном конце коридора появились еще несколько человек — тоже сотрудники Службы. Только вместо пожарного шланга у них наготове были автоматы.

— У нас приказ никого не выпускать из зданий до особого распоряжения, — прогудел из-под шлема предводитель. Лейтенант, судя по погонам.

— Смирно! — рявкнул Арманн. — Лейтенант, ты больной или как? В крематории давно не был? Сейчас окажешься!

— Приказы не обсуждаются! — заорал лейтенант. В его голосе звенели истеричные нотки.

— Разойдись! — взревел Арманн. — Отряд и гражданские, за мной, выходим на улицу.

Новоприбывшие разом передернули затворы на автоматах.

— Всем оставаться на местах! — крикнул лейтенант.

— Хорошо, — просто ответил Арманн и молниеносным движением вскинул руку.

Грянул пушечный выстрел, лейтенант рухнул на пол и, заорав схватившись за ключицу.

— Отряд, код Д! — скомандовал полковник, и его люди бросились в бой.

Автоматы у новоприбывших повыбивали сразу, но завязалась ожесточенная рукопашная схватка: у Арманна было больше людей, однако противник, похоже, превосходил физической подготовкой.

— Н-на-а! — Арманн с высоты своего роста обрушил жесточайший удар на голову атакующего его солдата. Лицо полковника сделалось страшным — разъяренный демон возмездия, могучий и неуправляемый, как столп огня.

— Арманн, сзади! — крикнул Виктор.

Полковник с разворота вломил подбиравшемуся сзади «соколу», так что тот грянулся головой об стену и развалился на полу.

— Виктор, уводи людей, живо! — рявкнул Арманн. — Топор возьми на всякий! Давай, бегом отсюда! Выходите на Северный проспект и в Пустошь, там огня нет!

Виктор был последним из гражданских, кто покинул злополучный коридор. У поворота он обернулся и в последний раз взглянул на Арманна. Тот поднял руку в прощальном жесте. Виктор поклонился ему и поспешил за теми, кого должен был вывести в Пустошь.

..Беглецы уже выбрались на Северный проспект, когда их нагнал звук исполинского взрыва. Обернувшись, они увидели, как здание общежития медленно осело в бурлившее у его основания огненное облако.

13 мая, Noctus Irae. Штаб-квартира Комитета по поддержанию равновесия и стабильности

Накануне вечером Бержер вызвали в штаб-квартиру Стабикома. Огромный подземный бункер размером с городской квартал уходил на десятки, если не сотни, метров в глубину. Здесь, в отличие от поверхности, всегда был стерильный и хорошо увлажненный воздух, чистая вода и, естественно, никаких пожаров. Спускаясь в стеклянном лифте, Бержер рассматривала хромированное однообразие ярусов, по которым деловито расхаживали туда-сюда люди в форме, и гадала, зачем ее могли вызвать в такое позднее время.

Два часа ее донимали опросниками и тестами физического состояния. И только потом появился майор Эззерт, непосредственный начальник Бержер, и отвел ее в свой кабинет.

— Наливайте кофе, не стесняйтесь, — заявил Эззерт, притворяя дверь.

Бержер налила две кружки, одну поставила перед командиром. Усевшись, майор отхлебнул коричневого пойла, сложил руки и уставился на подчиненную.

— Итак, капитан Бержер, нам поступили сразу два сигнала о ваших связях с преступными... — Эззерт осекся: ощутимо дрогнула земля, мигнули лампы.

— Что это? — тихо спросил он у собеседницы и тут же, не дожидаясь ответа, прижал наушник гарнитуры.

То, что сообщили, ему не понравилось.

— Так, ждите здесь. У нас проблемы, — сказал майор и исчез.

Сквозь широкое окно кабинета Бержер увидела, как по эстакадам забегали люди, вытащила из кармана собственную гарнитуру и подключилась к сети Комитета.

«...Центр... Пожары... Критическая ситуация в отдельных районах...»

Общий хаос внезапно перекрыл мощный и уверенный голос командующего офицера — Председателя Комитета, генерала Альмары Коракас:

— Внимание! В связи с чрезвычайной ситуацией всем находящимся в штаб-квартире офицерам в звании выше младшего лейтенанта через пятнадцать минут явиться в зал 103 на первом уровне. Повторяю, в течение пятнадцати минут собраться в зале 103. Тревога не учебная!

...Их было несколько десятков, на удивление много для этого времени суток. Подтянутые, суровые, все как один с тяжелыми взглядами, все в одинаковой форме.

— Смир-рна! — раздалось сбоку.

— Вольно, — бросила Коракс, взлетая на кафедру с гербом. — Итак, вы все уже, вероятно, знаете, что в центре Метрополиса сложилась определенная ситуация. Руководство уверено, что к утру все будет под контролем. Пока же у нас возникла иная проблема: в окраинных районах города замечены несознательные лица, пытающиеся покинуть Метрополис. Приказано разыскать и незамедлительно водворить на место проживания всех возможных беглецов. С применением силы, если потребуются. Секторы поиска в настоящий момент загружаются на ваши планшеты, к месту вас доставят под землей. Каждому под командование выделяются шесть сотрудников Службы Общего Контроля, отряды уже прибыли и готовы к отправке. Вопросы есть?

— Разрешите узнать, какова вероятность, что пожары будут потушены к тому времени, как мы начнем возвращать беглецов? — спросила Бержер.

— Пожары будут потушены, капитан! — громко, как на митинге, воскликнула Коракс.

— Генерал, я опасаюсь, что...

— А вы не опасайтесь. Иначе простым выговором за самодеятельность не отделаетесь.

Бержер закрыла рот и вытянулась.

— Так, всем: коридор семь ведет к поездам подземки на Окружной линии, — продолжила Коракс. — Первый поезд уже подан. В средствах себя не сдерживать, сопротивляющихся доставлять силой. В случае необходимости вас страхуют приданные отряды. Выполняйте!

— Есть, — рывкнули несколько десятков глоток.

13 мая, Salvatio^v

Еще издали Наталия увидела, как Антон дерется с каким-то ободренным и грязным типом, которому явно уступал по силам.

Виктор поспешил на выручку. Капюшон, замотанное платком лицо, свистнувший мимо носа кулак, джеб под ребра, апперкот, и противник расплывается на груди битого кирпича.

— Цел? — спросил Виктор Антона.

— Да что мне теперь сделается, — выдохнул тот, утирая юшку.

Все те, кого Виктор и Наталия вывели из центра города, разбежались по своим углам, не решившись идти к окраине. Сейчас они остались только втроем...

И у них получилось. Каким-то чудом, они все-таки добрались до окраины, преодолев пешком какое-то несусветное расстояние. Сколько времени прошло, непонятно. Как им хватило сил — тоже. Но... добрались.

После долгого перехода Виктор переводил дух, прислонившись к обгоревшему обломку стены. Обезболивающее переставало действовать, и по ноге снова расплзлась черной кляксой боль. Вокруг все продолжало гроыхать, и казалось, уже само небо полыхало огнем.

А хуже всего было другое: вдоль Кругового шоссе, опоясывавшего город, между всеми зданиями была натянута колючая проволока.

— И тут под напряжением, похоже, — пробормотала Наталия.

— Даже проверять не буду, — тяжело дыша, ответил Антон. Судя по всему, он был на последнем градусе ярости.

Где-то вдалеке что-то взорвалось, земля дрогнула.

— Черт! Черт! — прохрипел Антон, оглядываясь.

Вокруг были только запертые подъезды да разбитые окна, зарешеченные на нижних этажах и заколоченные на верхних. И каменная площадка, с которой они только что спускались по ржавой лестнице.

— Значит, пошли дальше, — произнес Виктор, запивая обезболивающее. Вода у них была почти на исходе. — Они не могли весь Метрополис обтянуть колючкой.

— В самом деле? Не могли? — вдруг раздался низкий женский голос.

На каменной площадке, опершись на перила стояла капитан Стабикома Сесиль Бержер.

— Вам некуда отсюда деваться, — сказала Бержер, свирепо оглядывая испуганных беглецов.

— А-а, Сесиль, какое эффектное появление! — светским тоном произнес Виктор, совладав с собой.

— Ты?... — выражение гнева сменилось изумлением, но Бержер моментально с ним справилась.

— Вы что, знакомы? — спросила Наталия.

— Да, случилось познакомиться при весьма щекотливых...

— Замолчи! — перебила его Бержер.

— Впрочем, тогда формы капитана Стабикома на ней не было.

— Довольно! Мне приказано вернуть вас обратно, и я это сделаю.

— Обратно куда? В пекло? Ты что, не знаешь, что делается в центре? — спросил Виктор.

Как по заказу откуда-то тотчас же донесся раскатистый грохот.

— Нет, не знаю. Хватит разговоров, идем!

— Взгляни на небо, — сделал шаг вперед Виктор. — Посмотри хорошенько. Ты действительно собираешься возвращаться туда?

— Приказ есть приказ. К утру там все потушат. Идем, иначе...

— Я своими собственными ушами слышал, как полицейским был отдан приказ не выпускать никого из горящих зданий, — перебил Виктор, подходя к лестнице и пристально глядя на Бержер. — И некоторые ретиво бросились его выполнять!..

Новый взрыв; земля заходила ходуном, Антон и Наталия едва устояли на ногах. Виктор схватился за перила лестницы.

— Ты вправду хочешь сгореть так же, как и они?! — выкрикнул он. — Ты действительно...

Новый взрыв прогремел уже совсем рядом. Посыпались стекла. Антон, прикрывая собой сестру, утащил ее подальше от стены и дождя осколков.

Сесиль потеряла равновесие и упала.

— Ты и в самом деле должна прыгать в этот жертвенник?! — прогремел Виктор.

Сесиль, почти оглохшая от грохота, с трудом поднималась на ноги, которые вдруг так ослабли, что ей пришлось почти что подтягиваться на перилах. Ее вдруг переполнила растерянность, а следом за ней пришел удушливый страх, такой же, какой она испытала той ночью в Пустоши...

Она посмотрела вниз — там стоял человек, спасший ей жизнь. Нет, он не лгал — это было видно. Сесиль посмотрела вверх — на ярко-оранжевое небо, будто готовое излиться огнем. И в ее голове звенел чей-то визгливый голос: «Назад, быстро!.. Ты должна!.. Будь преданной до конца!.. Погибни не рассуждая, если надо!.. Верни этих назад, они тоже должны...»

Она всегда подчинялась. Но только сейчас она почувствовала, как в ответ ее захлестывает ярость: должна? Должна сдохнуть?! Ради чего?!

Земля снова дрогнула.

Сесиль удержалась на ногах, снова взглянула на людей внизу. На Виктора, с напряженным ожиданием следившего за ней; на двух полужнакомых людей из Kordo; увидела, как Антон отряхивает с Наталии сор и осколки стекла. И тут вдруг к ней пришла решимость. Нет, вы не станете жертвами. Она знает, где именно здесь выход из города. Вы почти что нашли его сами, осталось сделать только одно.

Сесиль сделала два шага к лестнице и уже начала спускаться по ней, как вдруг кто-то сзади схватил ее за шею и с силой толкнул. Она практически скатилась ступеням вниз, где ее поймал Виктор. Поймал, и тотчас же оттащил подальше от площадки.

На том месте, где только что была Бержер, стоял Дормин. Стоял странно, чуть завалившись набок и неестественно наклонив голову, будто его разбил паралич. Одна рука была вытянута по шву, другую он каким-то совершенно кукольным движением поднял и положил на перила.

В это время люди из отряда Бержер организованно, один за другим спускались по лестнице и выстраивались шеренгой напротив беглецов.

— Ну вот, все четверо в сборе. Мне, я думаю, излишне представляться. — Губы и челюсть Дормина пришли в движение, но голос был чужим:

Бержер с ужасом узнала плосковатый баритон, с которым она регулярно говорила по вечерам в Kordo. Только сейчас он был исполнен не безразличной любезности, а ненависти.

— Я знаю, кто ты... сынок, — в тон ему ответил Антон. — И как тебя называть теперь? Кем будешь, Архонтом?

— Да можно и «господом». А что до «сынка», так это еще большой вопрос, кто чей отец и кто чей сын. Ты в той же степени мое создание, дружище, да и твои... друзья тоже.

— Я не знаю, откуда ты такой вылез, но...

— Откуда вылез? Это очень просто, — тон вдруг стал издевательским. — Помнишь ли ты, как в юные годы, нахватавшись умных мыслей из глупых книжек, захотел вывести «формулу зла»? Найти в нем логику и структуру? Тебе понадобился опытный образец, и вот тут-то я у тебя и появился. Ну, а потом — потом я был чудищами ваших с сестрой детских сказок, демонами, которых побеждали ваши бесконечные герои-шевалье. Но чем дальше, тем меньше было героизма, и тем сильнее становилось пресловутое зло. И в конце концов, место чудовищ заняла *Неодолимая Судьба*, а на месте героев остались самозванные страдальцы. И всего лишь одного брошенного паяльника хватило на то, чтобы ты сам стал одним из них... сынок!

— Да, стал. И что дальше?

— А то, что я стал твоей Судьбой. Твоим богом. Тебе осталось сделать совсем немного, чтобы закончить начатое. Придумай мне имя.

— Да пошел ты.

— Дай мне имя, и я стану вечным! — загремел голос. — А взамен я сделаю так, что ты полюбишь все, что сейчас ненавидишь. Ты сможешь упиваться своими ненаглядными виной и болью до экстаза. До ни с чем не сравнимого счастья! Имя!

— Нет у тебя никакого имени и не будет. И сам ты, и все твое всеисилие — вонючий дым. Тебя — *нет*. А я — *есть*. И у тебя надо мной власти не больше, чем у дыма над огнем. Рассейся! — выкрикнул Антон, резко махнув рукой.

От его движения по всему телу Дормина будто пробежала какая-то волна, исказив его черты пуще прежнего. Но исчезнуть он не исчез.

— Что ж... Хорошо, — с ненавистью произнес голос. Теперь он звучал так, будто исходил из испорченных громкоговорителей. — Хорошо, что таким, как ты, нет счету. Я терпелив. Кто-нибудь поглупее сделает за тебя то, что мне нужно. Я своего добьюсь. А вот от вас четверых и вправду не останется ничего, кроме дыма!

Верзила на площадке вскинул будто наполовину парализованную руку. Солдаты подняли автоматы.

Бержер хотела было скомандовать «отставить», но из ее глотки излетел только хрип. Антон, оглядевшись по сторонам, протянул руки сестре и Виктору, а тот взял за руку Сесиль. Четыре человека стояли, взявшись за руки, и смотрели на безликие фигуры, целившиеся в них из автоматов.

Эпилог. *Libera Me*^{vi}

Что было дальше?

О том говорят разные, очень странные вещи. Бывший сержант Войд, исхудавший и поседевший добела, слонялся потом много лет по питейным и за выпивку рассказывал завсегдатаям одну и ту же историю: дескать, на том месте, где стояли те четверо, вдруг возник столп белого огня, и вместо четырех обычных человеческих фигур он увидел одну, и она была огромной и ослепительно сверкала. И что все сослуживцы Войда бросились врассыпную, а он остался на месте и в итоге один он и уцелел. А как так вышло, не помнит. Потом он залпом выпивал налитый ему стакан портвейна и тотчас же падал под стойку мертвецки пьяным...

Впрочем, говорят, что фигуру ту видели многие. Будто бы поднялась она над городом и заслонила треть неба. А потом вдруг башня на Паноптикуме лопнула и вся разом обратилась в гигантское стоячее облако огня и дыма. И это облако тоже обрело антропоморфные очертания. И эти две фигуры бились друг с другом, и та, сверкающая, ослепительно ярким мечом рассекла недруга надвое и разметала его остатки по небу. А затем острием клинка коснулась зенита, и растрескавшиеся молниями тучи расступились, обрушив на город невиданной силы ливни. И все пожары погасли. И уцелевшие в хаосе люди с изумлением смотрели на рассветное небо, где в зените сияла комета...

Слишком фантастично, чтобы быть правдой, не так ли?

С уверенностью, впрочем, можно сказать, что пожары в Метрополисе тогда погасли навсегда и небо очистилось. И да, в небесах и впрямь виднелась комета. И те, кто пережил ту ночь, потом долго наблюдали, как ее бледный глаз блестел в рассветной мгле.

Не подлежит сомнению и то, что в Метрополисе никто больше не видел ни Сесиль Бержер, ни Виктора, ни брата с сестрой.

Возможно, где-то там, куда никаким воображением не дотянуться, они сейчас бредут по мокрой весенней траве. Бредут в счастливом молчании туда, где свет и свежий ветер.

И где радость приходит без слез.

ⁱ Гемармен — судьба (*греч.*). В гностицизме — деспотический вселенский рок, олицетворение мировой и надмирной тирании.

ⁱⁱ В гностицизме «пневматиками» («духовными людьми») именуют носителей духовного элемента, относящегося к высшей сфере, — «пневмы». Только пневматикам доступны тайны гнозиса, «высшего и подлинного мистического знания».

ⁱⁱⁱ Исход (*лат.*).

^{iv} Ночь гнева (*лат.*).

^v Спасение (*лат.*).

^{vi} Libera me (Domine) — Избави мя, Господи (*лат.*). Молитва, которой иногда завершается католическая заупокойная месса.